

[дискуссия]

Родится ли в споре истина?

// [Этнографическое обозрение](#). 1992. №2. С. 52-76.

[Кызласов И.Л. О самоназвании хакасов.](#) // Этнографическое обозрение. 1992. №2. С. 52-59.
[Кляшторный С.Г. О статье И.Л. Кызласова «О самоназвании хакасов».](#) // Этнографическое обозрение. 1992. №2. С. 59-61.

[Яхонтов С.Е. Слово хакас в исторической литературе.](#) // Этнографическое обозрение. 1992. №2. С. 61-63.

[Бутанаев В.Я. Вопрос о самоназвании хакасов.](#) // Этнографическое обозрение. 1992. №2. С. 63-69.

[Кызласов И.Л. Об этнонимах хакас и татар и слове хоорай \(ответ оппонентам\).](#) //

Этнографическое обозрение. 1992. №2. С. 69-76.

Древнейшие упоминания названия «киргиз» *

С.Е. Яхонтов

// [СЭ. 1970. №2](#). С. 110-120. **

http://kronk.spb.ru/library/yahontov-se-1970.htm#_n28

Древнейшими тюркоязычными источниками, в которых упоминается этноним *киргиз*, являются памятники рунической письменности. Слово *киргиз* неоднократно встречается в орхонских надписях начала VIII в. Оно имеет в них форму qirqiz (пишется qirqz). К несколько более раннему времени относится греческая запись того же слова — Chérkis [1].

Однако ещё раньше мы встречаем тот же этноним в китайских исторических сочинениях. В разное время он записывался по-разному: (1) 𪛗𪛘 *гэгунь* 隔𪛗 (*гэкунь*), (2) 𪛗𪛘 *гяньгунь* (*гянькунь*), (3) 契骨 *кигу*, (4) 結骨 *гегу*, (5) 紇乞斯 *хэгусы*, (6) 黑夏斯 *хягасы* [2]. Правда, существует мнение, что последняя из этих форм — (6) 黑夏斯 *хягасы* — обозначает другое слово (произношение которого реконструируется как *хакас*) и имеет иное значение, чем остальные. Однако в китайских источниках все перечисленные формы рассматриваются как названия одного и того же народа (или государства).

Название (1) 𪛗𪛘 *гэгунь* приводит Сыма Цянь в связи с событиями, происходившими в первые годы династии Хань, т.е. примерно в 200 г. до н.э. (точная дата не указана) [3]. Форма (2) 𪛗𪛘 *гяньгунь* появляется в 49 г. до н.э. [4], (3) 契骨 *кигу* — в 553 г. или несколько позже, (4) 結骨 *гегу* — в 638 г. (везде имеется в виду дата описываемого события, а не время составления текста, в котором упомянута соответствующая форма) [5].

Народу (6) 黑夏斯 *хягасы* отведен специальный раздел в главе 217б «Новой истории Тан» [6]. Название *хягасы* отождествлено здесь с *гяньгунь* и *гегу*, причем о формах *хягасы* и *гегу* говорится как об «ошибочных». Форма *хягасы* появилась между 758 и 843 гг. В книге „Изложение сведений о

варварах четырёх стран света” («Сы и шу»), составленной Цзя Данем, были полностью приведены все наименования хягасы. После этого стало ясно, что действительное положение в диких странах Цзя Дань

(110/111)

знал точно и безошибочно» [7]. Судя по этому рассказу, форма *хягасы* впервые упомянута в написанной в 801 г. [8] книге Цзя Дая, одного из крупнейших географов Китая.

Согласно тому же «Тан хуйяо», в годы Кайюань (713-741 гг.) губернатор пограничного округа Аньси (на территории нынешнего Синьцзяна) Гай Цзя-юнь писал в книге «Записки о Западном крае» («Си юй цзи»), что «государство Гяньгунь... ныне некоторые измененно называют Хэгусы». Это название далее отождествляется с этнонимом (7) 紇骨 *хэгу*, мимоходом упоминаемым при перечислении почти сорока племен в разделе о телэ «Истории Суй» и «Истории Северных династий» [9]. Таким образом, форма (5) 紇托斯 *хэгусы* впервые зарегистрирована в первой половине VIII в.

Среди перечисленных китайских названий наиболее обычными являются (2) 堅昆 *гяньгунь*, (4) 結骨 *гегу* и (6) 黠戛斯 *хягасы*. Везде, где эти наименования выступают в пределах одного и того же текста (как в уже упоминавшемся разделе о хягасы в «Новой истории Тан» или в разделе о гегу в «Тан хуйяо»), они определённо считаются равнозначными, и это специально оговаривается. Только в текстах компилятивного характера, включающих ряд отрывочных заметок различного происхождения, эти названия могут употребляться параллельно, не будучи отождествляемыми. Так, в разделе о хусюэ из главы 2176 «Новой истории Тан», где перечисляется около десяти разных народов, об одном из них говорится, что он часто воюет с гегу, а о другом — что он соседствует с хягасы. [10]

Все рассмотренные китайские слова представляют собой транскрипцию (т.е. фонетическую запись средствами китайской письменности) самоназвания народа, о котором идет речь. Сомнения может вызвать только форма (6) 黠戛斯 *хягасы*; в китайских источниках встречается утверждение, что это уйгурское слово с собственным значением. В «Тан хуйяо» говорится по этому поводу следующее: «Спрашивали у переводчиков, и те сказали, что (8) 紇骨 *хягу* имеет значение „жёлтая голова, красное лицо”. Видимо, уйгуры называют их так. Но ныне посол говорит, что они сами имеют это название. Не знаю, что правильно» [11]. По-видимому, название народа хягасы ассоциировалось у переводчиков с уйгурским словом *qīgū* ~ *qīzū* 'розовый, румяный' [12]. Но из текста отнюдь не следует, что их мнение было правильно; разумнее верить тому, что утверждал сам хягасский посол [13].

Вопрос о том, как звучали оригинальные (некитайские) слова, лежащие в основе китайских транскрипций, не может решаться без обращения к древнему чтению китайских иероглифов. Никакие отождествления, сделанные без учёта исторической фонетики китайского языка, не имеют доказательной силы.

(111/112)

Есть несколько систем реконструкций китайской фонетики VI-VII вв., но во всём существенном они согласуются между собой. Ниже приводится древнее чтение иероглифов, составляющих китайские транскрипции, в соответствии с реконструкциями Б. Карлгрена [14].

Китайское слово	Древнее чтение
-----------------	----------------

(1) гэгунь, гэкунь 隔昆 (隔昆)	kek kuən
(2) гяньгунь, гянькунь 堅昆	kien kuən
(3) кигу 契骨	khiet kuət [15]
(7) хэгу 紕骨	γat kuət
(4) гегу 結骨	kiet kuət
(5) хягусы 紕托斯	γət kuat sie
(6) хягясы 黑夏斯	γāt kāt sie

Некоторые из этих реконструкций требуют комментариев.

Иероглиф 9 隔 в древности читался двояко: liek и kek, иероглиф 10 堅 — только как kek. Поскольку оба написания представляют собой лишь графические варианты одной и той же транскрипции, иероглифы в обоих вариантах должны читаться одинаково. Заметим ещё, что если иероглиф читается двояко и в одном из чтений обозначает имя собственное или географическое название, то обычно это же чтение он имеет и тогда, когда используется для транскрипции иностранных слов. Иероглиф 9 隔 в чтении kek означает название уезда, а также фамилию, поэтому в составе транскрипций он должен читаться kek.

Иероглиф 11 紕 в словаре «Гуан юнь» читается γət, γuət, γiət. Указано, что γət — это имя отца Конфуция; в этом же чтении иероглиф входит в состав трёх «варварских» (т.е. не китайских) фамилий. В соответствии со сказанным выше можно предположить, что именно это чтение, связанное с именами собственными, использовалось в составе транскрипций.

Иероглиф 12 托 в словаре «Гуан юнь» читается kuət, γuət, kiət, kâi, и во всех чтениях он имеет одно и то же значение. Но ключевые словари (например, «Канси цзядянь») на первом месте дают разрезание, соответствующее чтению kuət.

Для иероглифа 13 契 словарь «Гуан юнь» также указывает несколько чтений: khiei, khiet, khiet. К последнему дано пояснение: «Кидань, название варварского народа; взято из словаря „Цзы линь”». Естественно предположить, что иероглиф 13 契 во всех случаях, когда он употребляется для транскрипции иностранных слов, читался одинаково. Однако по причинам, которые будут изложены несколько ниже, чтение khiet для первого иероглифа в слове кигу маловероятно; выбрано было ближайшее к нему чтение khiet.

Чтение иероглифа 14 夏 Б. Карлгрен реконструирует как kât, а иероглифа 15 黑 — как γat [16]. У этих двух слогов оказываются неодинаковые гласные; между тем оба иероглифа входят в одну и ту же рифму «Гуан юня» — 14-ю рифму тона «жу». Этой рифме в системе реконструкций Б. Карлгрена должна соответствовать финаль -at; итак, иероглиф 14 夏

(112/113)

следовало бы читать kat. Однако, как показал Дун Тун-хэ, гласный 14-й рифмы восстановлен Б. Карлгреном неверно (ошибка кроется в самих китайских источниках, на которые он опирался, — 14-ю и 15-ю рифмы тона «жу» следует поменять местами) [17]. С учетом поправки Дун Тун-хэ финаль 14-й

рифмы тона «жу» должна быть -āt, а финаль 15-й рифмы — -at (у Б. Карлгрена — наоборот). Поэтому слоги 14-й рифмы и транскрибируются выше как ŷāi и kāt.

Какие же иноязычные звуки могли изображаться с помощью перечисленных китайских транскрипций?

Начнем с того, что неопределенным гласным ə в сочетаниях uən, -uət можно пренебречь. В китайском языке VI-VII вв. гласный *u* не мог непосредственно сочетаться с конечными *-n* и *-t*, т.е. не было сочетаний *-un*, *-ut*, и их заменяли uən, -uət.

Далее, китайский *k* в транскрипциях служил регулярным соответствием тюркского *q*; тюркский *k* передавался сочетаниями *ki-*, *kj-*. В санскритских словах звуки *k*, *kh* также всегда передавались сочетаниями *ki-*, *kj-* и *khi-*, *khj-*; твёрдых (не йотированных) начальных *k* и *kh* в китайских транскрипциях санскритских слов практически вообще нет [18]. Таким образом, встречая в составе транскрипции твёрдый *k*, мы можем предполагать, во-первых, что слово, изображаемое этой транскрипцией, принадлежит языку алтайского типа; во-вторых, что слово это содержит гласные заднего ряда, поскольку в алтайских языках только такие гласные сочетаются с *q*. Во всех интересующих нас транскрипциях заднеязычные согласные твёрдые (это относится и слогам *kien*, *kiet*, *khiet*); следовательно, исходные слова имели гласные заднего ряда. Есть, правда, один сомнительный случай — *кигу*. Иероглиф 13 契, как упоминалось выше, имеет чтение *khiet* в слове *кидань*. Поскольку, однако, второй слог слова *кигу* имеет твёрдый согласный, то и для иероглифа 13 в этом слове было выше выбрано чтение с твёрдым начальным *kh* (иначе пришлось бы предположить, что в этом слове отсутствует гармония гласных).

Формы (2) 堅昆 *kien kuən* (*гяньгунь*) и (4) 結骨 *kiet kuət* (*гегу*) очень близки между собой, отличаясь только конечным согласным в обоих слогах. Несмотря на это различие, обе китайские транскрипции могут отражать одну и ту же исходную форму. Хорошо известно, что конечный *-r* иностранных слов в эпоху Хань китайцы передавали своим конечным *-n*, а в эпоху Тан — конечным *-t* [19]. Поэтому возможно, что в слове, изображаемом китайскими транскрипциями *гяньгунь* и *гегу*, оба слога кончались звуком *-r*.

Поскольку первый слог обеих транскрипций начинается твёрдым *k*, в исходном слове он должен был иметь начальный *q* и гласный заднего ряда. Этим гласным явно не мог быть *a*; скорее всего это был *ī*. В целом слово, лежавшее в основе китайских *гяньгунь* и *гегу*, может быть восстановлено как *qīr*.

То, что в первом слоге слова, изображаемого китайским *гяньгунь*, должен быть восстановлен именно *-r*, а не *-n*, можно утверждать довольно определенно. Во-первых, в середине слова маловероятно сочетание *-nq-* (с переднеязычным, а не заднеязычным носовым). Во-вторых, показательна несколько более ранняя форма (1) 𪛗昆 *гэгунь*. Если взять реконструкции Б. Карлгрена, относящиеся не к VI-VII вв. н.э., а к I тысячелетию до н.э., то иероглиф 9 𪛗 должен читаться *klĕk* [20], что

(113/114)

могло бы обозначать *qīr*. Очевидно, китайские (1) *гэгунь* и (2) *гяньгунь* отражают одно и то же слово, но с метатезой *ī* и *r* (*qīr* *qur* и *qīr* *qur*).

Что касается конечного согласного второго слога, то в нём мы не можем быть вполне уверены. Не исключено, что (1) 𪛗昆 (隔昆) *гэгунь* и (2) 堅昆 *гяньгунь* транскрибируют слово с конечным *-n*

(*a* не *-r*), т. е. qriq qun, qir qun. Таким же образом и (4) 結骨 *gegu* может отражать исходное qir qut — с конечным *-t*.

Не исключено даже, что (4) 結骨 *gegu* (*kiet kuət*) означает исходную форму qir quz. По-видимому, в единичных случаях китайский конечный *-t* мог передавать иноязычный *-2*; ср. (16) 阿跌 *ade*, К. âdhiet = ädiz [21].

Напомню ещё, что китайский язык не различает *r* и *l*, поэтому везде, где мы восстанавливаем *r*, теоретически возможно предполагать и *l*. Это относится и ко всем транскрипциям, которые будут рассмотрены ниже; мы не будем оговаривать это каждый раз особо.

Форма (3) 契骨 *kiqy*, К. khiet kuət, если мы правильно выбрали чтение первого иероглифа, отличается от (4) 結骨 *gegu* только наличием придыхания у первого согласного. Возможно, что это указывает на звук, более близкий к *x*, чем к *q*; ср. *kh* в транскрипции названия хазар — (17) 可薩 *kəsa*, К. khâ sât. Итак, *kiqy* может обозначать xir qut или xir qut.

Третья форма, относящаяся приблизительно к тому же времени, что (3) 契骨 *kiqy* и (4) 結骨 *gegu* — это (7) 紇骨 *hexu*, К. yat kuət. Гласный *ə*, несомненно, изображает *ï*; что касается *-γ*, то ему, скорее всего, соответствовал тот же звук оригинала. Однако есть ряд примеров, в которых начальный *γ* китайской транскрипции соответствует отсутствию начального согласного в тюркском (это — особенность именно транскрипций тюркских слов; при записи звуков других языков указанное соответствие не наблюдается). Ср., например, (18) 合 *xə*, К. γâr = alp, (19) 回紇 *хойхэ*, К. γuâi γət = ujuq. Таким образом, первый слог формы *hexu*, вероятно, обозначает *γir*, но не исключено и *ir*.

Прежде чем перейти к последующим двум транскрипциям, надо отметить, что где-то около 700 г. (или, может быть, несколько позже — в первых десятилетиях VIII в.) в китайском произношении произошли серьезные изменения; речь идёт, по-видимому, не о естественных и постепенных изменениях внутри одной формы языка, а о смене господствующего диалекта [22]. Среди этих изменений наиболее существенно для нас начало оглушения звонких согласных: после 700 г. глухие и звонкие согласные (особенно щелевые) в транскрипциях иностранных слов начинают смешиваться.

Иероглиф 20 其 *сы*, К. sie в конце двух последних транскрипций (*хэгусы* и *хягясы*) мог обозначать согласный *s*, а также *z*, поскольку звонкие и глухие различались нечётко. Впрочем, ещё до 700 г. тот же иероглиф передавал 2 в имени *Пируз*: (21) 卑路斯 *бэйлусы* [23], К., pjiə luə sie.

Начальный *γ* первого слога обеих транскрипций, как мы уже знаем, мог изображать исходный *γ*, но не исключено также, что он соответствовал гласному началу слова. Кроме того, в соответствии с тем, что было сказано выше о звонких и глухих согласных, этот *γ* в VIII-IX вв. мог обозначать и *x*.

Некоторых дополнительных (и довольно сложных) объяснений требует конечный *-t* второго слога обеих транскрипций.

(114/115)

Мы уже знаем, что конечный согласный, который Б. Карлгрен восстанавливает как *-t*, в эпоху Тан мог в транскрипциях обозначать конечный *-r*. К этому надо добавить, что по крайней мере с VIII в. наблюдается и обратное явление: в китайских словах, записанных средствами алфавитной письменности (например, тибетской или уйгурской), китайский *-t* почти всегда передается через *-r*.

По-видимому, он действительно произносился близко к *r*. А. Масперо предполагает, что все носовые конечные согласные китайского языка — *p*, *t*, *k* — в VIII в. представляли собой звонкие спиранты, которые, однако, были очень неустойчивы и на стыке слогов легко видоизменялись под влиянием начального согласного следующего слога [24].

По-видимому, конечный носовой согласный полностью ассимилировался (или просто выпадал), если он оказывался перед согласным того же места образования, начинающим следующий слог (как видно из примеров, приводимых ниже, это наблюдалось не только в VIII в., но и значительно раньше). В составе транскрипций конечный носовой в этих условиях не имеет самостоятельного фонетического значения, т.е. ему не соответствует никакой звук в исходной форме. Возможно, что употребление в транскрипции слога с конечным согласным указывает в таких случаях краткость предшествующего гласного; но сам согласный в указанных условиях во всяком случае можно игнорировать. В частности, конечный *-t* ассимилируется (или выпадает) не только перед *t* или *l*, но и перед *s* и даже *i*, например:

(22) 達鞞 *дада*, К. dhât tât = tatar

(23) 骨利幹 *гулигань*, К. kuət lji kân = qurïqan

(24) 伐蘇畔度 *фасупаньду*, К. bhî^mat suo bhuân dhuo = Vasubandhu [25]

(25) 曷薩 *хэса*, К. γât sât = xazar [26]

(26) 拔野古 *баегу*, К. bhuât ia kuo = bajïrqu [27].

Для *-p* и *-k* трудно найти примеры, ясно показывающие, что эти согласные подвергались аналогичной ассимиляции. Однако *-p* явно не произносится перед *m*, например:

(28) 峩秣建 *самогянь*, К. sâp muât kian = Samarkand [28].

Аналогичным примером с *-k* может послужить (29) 得嶷 *дэ'и*, К. tək ŋjî — название какого-то большого озера или моря на запад от Китая [29]; транскрипция эта передает звуки tək ŋjî и может 'быть отождествлена с тюркским tãŋiz 'озеро, море' (конечный согласный в китайской записи опущен).

Конечные согласные перед начальными, отличавшимися от них по месту образования, сохраняют в транскрипциях самостоятельное

(115/116)

значение, например:

(31) 達干 *дагань*, К. dhât kân = tarqan

(32) 羯摩 *гемо*, К. kiat muâ = karma

(33) 葉護 *шэху*, К. iâp γuo = jabγu

(34) 藥羅葛 *иологэ*, К. iak lâ kât = jaɣlaqar.

В транскрипциях (5) 紇乞斯 *хэгусы* и (6) 黑夏斯 *хягясы* и первый, и второй слоги кончались согласным *-t*. Однако во втором слоге он ассимилировался следующему *s*; в исходной форме в этом месте не было согласного. В первом слоге *-t* находился перед *k* и, следовательно, отражал какой-то согласный оригинала — скорее всего *-r*.

Гласные звуки в слове (5) 紇乞斯 *хэгусы* не вызывают сомнений; это те же гласные, что и в более раннем (7) 紇骨 *хэгу*, и они имеют то же транскрипционное значение. Таким образом, *хэгусы* отражает исходную форму *γīg qu' s* или *xīg qu' s*; менее вероятно, но возможно также *īr qu' s*.

В (6) 黑夏斯 *хягясы*, К. *γāt kât sie*, гласные в двух первых слогах одинаковы — *ǎ*.

В китайском языке VI-VII вв. было два широких нелабиализованных гласных — более задний *â* и более передний *a*. Оба, по мнению Б. Карлгрена, первоначально могли быть долгими и краткими; но в VIII в. во всяком случае они уже не различались по длительности. Звук *a* иноязычных слов всегда передавался через *â*, за исключением случаев, когда начальный согласный перед ним вообще не сочетался с *â*. В следующих примерах *a* после *g*, *γ* в тюркских словах передается китайским *â*:

(35) 可汗 *кэхань*, К. *khâ γân* = qaɣan

(36) 甘 *гань*, К. *kâm* = qam

(31) 達干 *дагань*, К. *dhât kân* = tarqan

(37) 哥邏祿 *гэлолу*, К. *kâ lâ luk* = qarluq

Более передний *a* обычно встречается в транскрипциях только в сочетании с промежуточным *i* или вслед за такими согласными, после которых невозможен *â*. В этих случаях он передает звуки *a*, *ǎ*, изредка *t* (в слове (26) 拔野古 *баегу*, К- *bhuât ia kuo* = bajīrqu). В других условиях передний *a* практически не встречается вообще, за исключением названия (6) 黑夏斯 *хягясы*. В этом последнем он не может передавать тюркский *a*, поскольку, как мы видели, этот звук после *q* и *γ* всегда передается китайским задним *â*. Так как в слове, изображаемом китайским *хягясы*, должны быть гласные заднего ряда, то остается предположить, что *ǎ* передаёт *ī*. Итак, форма *хягясы* отражает исходное *γīg qī' s* или *xīg qī' s*, менее вероятно — *īr qī' s*.

Теперь мы можем обобщить полученные результаты и указать для каждой китайской транскрипции предполагаемый оригинал. Мы будем различать формы наиболее вероятные и маловероятные, но теоретически возможные. Выбирая наиболее вероятную форму, мы учитываем, во-первых, какие звуки передаются данным китайским звуком чаще всего и, во-вторых, какая форма находит подтверждение в других (более ранних или более поздних) формах записи того же слова.

Для краткости только наиболее вероятные исходные формы приводятся полностью; остальные возможные варианты указываются отдельно для первого и второго слога.

В этой таблице не указаны теоретические возможные формы с конечным *-l* (как уже упоминалось, китайский язык не различает в транскрипциях *г* и *l*).

	Китайское слово	Наиболее вероятная исходная форма	Другие возможные формы	
			1-й слог	2-й слог
(1) 南昆	гэгунь	qġġ qur		qun
(2) 堅昆	гяньгунь	qġr qur		qun
(3) 契骨	кигу	qġr qur, xġr qur		qut, quz
(7) 紇骨	хэгу	γġr qur	ġr	qut, quz
(4) 結骨	гэгу	qġr qur		qut, quz
(5) 紇拏斯	хэгусы	xġr qu' s, γġr qu' s	ġr	qu' z
(6) 黑戛斯	хягасы	xġr qġ' s, fġr qġ' s	ġr	qġ' z

Полученные реконструкции не оставляют сомнений, что во всех случаях мы имеем дело с записями вариантов одного и того же слова.

Китайские источники дают и некоторые другие транскрипции этого слова, но они нигде не встречаются в текстах самостоятельно и приводятся лишь как видоизменения или искажения какой-то другой формы, принимаемой за основную. Никаких новых сведений эти варианты нам не дают. Исключением является только слово (38) 黠戛 𐰽𐰺𐰍 *гюйву*, К. *ki^w miuət*, которое упоминается как одно из названий *хягасы* в «Новой истории Тан» [30]. Китайское сочетание *-i^w* могло обозначать *ü*, а в VIII-IX вв.— также *i*; форму в целом можно реконструировать как *kümür, küvir, kivir* (конечный согласный может быть также *l* или *t*). Очевидно, что это название этимологически не связано с остальными; речь идет либо об ошибочном отождествлении, либо о другом названии того же народа.

Форма *xġr qġ' s*, восстанавливаемая по китайской транскрипции (6) 黑戛斯 *хягасы*, наиболее близка к названиям киргизов, известным по памятникам алфавитных письменностей — руническому *qġrqġz* и греческому *Chérkis*. В китайской и греческой передаче первый согласный слова отражен как звук типа *x* (хотя китайская транскрипция может указывать и на *t*). Форма, представленная в тюркских рунических памятниках, правда, начинается на *q*, но этот *q* чаще всего записывается буквой <|, т. е. иначе, чем второй *q*, хотя оба находятся перед одним и тем же гласным *ġ*; разница в написании может указывать на какие-то, пока не известные нам различия в произношении. Все более ранние китайские транскрипции отличаются от рунической и греческой форм тем, что показывают гласный *u*, а не *ġ* во втором слог. Конечный согласный, отражаемый более старыми транскрипциями, неясен; для эпохи Хань это может быть *r* или *n*, для VI-VII вв. — *r*, *t* или *z*.

Выше уже упоминалось, что исходную форму китайской транскрипции (6) 黑戛斯 *хягасы* иногда реконструируют как *хакас* [31]. Эта реконструкция не может быть принята. Во-первых, как уже было сказано, звук *a* других языков китайцы всегда передавали задним *â*, а не передним *a*. Во-вторых, остается неучтённым конечный *-t* в первом слог, который, очевидно, передает звук *r*. Иностранцы конечные *r* и *l* китайцы иногда не передавали вообще; ср., например, транскрипцию (26) 拔野古 *баегу*, К. *bhuât ia kuo* для слова *bajġqu* [32]. Но если в транскрипции присутствует *-t* (перед

(117/118)

заднеязычным или губным согласным), ему непременно должен был соответствовать какой-то согласный в оригинале [33].

По тем же самым причинам не может быть сближаема с китайским (6) 黑吉夏斯 *хягясы* современная форма *хаас* [34].

Основанием для прочтения *хягясы* как *хакас*, вероятно, послужила форма *хагас*, которой пользуется Н.Я. Бичурин. Но в действительности она представляет собой лишь искусственное упрощение китайского слова. Говоря о народе жуаньжуань, Н.Я. Бичурин замечает: «В переводе слово *Жуань-жуань*, для лёгкости в выговоре, сокращено в *Жужань*» [35]. Такое же сокращение (но не оговорённое) представляет собой *хагас* [36].

Таким образом, форма (6) 黑吉夏斯 *хягясы* есть китайская транскрипция слова *кыркызы*; другие формы, к которым она приравнивается в китайских историях — (2) 堅昆 *гяньгунь*, (4) 結骨 *гегу* и др. отражают фонетические варианты того же этнонима (например, *кыркур* или, может быть, *кыркун*, *кыркут*, *кыркуз*). Форма *хягясы* не может передавать звуки *хакас*.

Кыркуры-кыркызы на протяжении более тысячи лет сохраняли свое название и занимали приблизительно одну и ту же территорию; очевидно, они представляли собой довольно большой народ, говоривший на одном языке, а не случайное государственное образование, включавшее разноплеменные элементы. Численность кыркызов в эпоху Тан составляла несколько сот тысяч человек [37], и они могли выставить 80 000 войска (для сравнения: хойху, т. е. уйгуры, имели 50 000 войска, кидани — 40 000, сеяньто — 200 000, гулигань — 5 000) [38].

Кыркызы эпохи Тан говорили на языке тюркской семьи; «письмо их и язык совершенно сходны с хойхускими», — читаем о хягясы в «Новой истории Тан» [39]. Некоторые кыркызские слова, приводимые китайскими источниками, без сомнения тюркские. Таковы (41) 哀 *ай*, К. âj = aj 'месяц', (36) 甘 *гань*, К. kârn = qam 'шаман', (42) 素 *су*, К. suo = sol 'левый'. К этому списку можно добавить (43) 蔑 *ме*, К. miet — название рыбы, водящейся в стране кыркызов [40]. Начиная с VIII в. китайцы часто передавали своими

(118/119)

начальными носовыми звонкие неносовые других языков; поэтому слог miet может обозначать bäl 'таймень' — слово, существующее в тувинском, алтайском и (в другой фонетической форме) хакасском языках.

Среди слов, имеющих другую (не тюркскую) этимологию, наиболее убедительно объяснено (44) 迦沙 *гяша*, К. ka şa 'железо', происходящее из самодийских языков [41]. Слово это относится к области культуры и легко могло быть заимствовано (так же, как оно было заимствовано киданями) [42], поэтому наличие его у кыркызов не противоречит утверждению, что они были тюрками по языку.

Вопрос о происхождении титула кыркызского государя — (45) 阿熱 *ажэ*, К. 'â nziät — не может считаться окончательно решённым. В китайских транскрипциях санскритских слов до начала VIII в. при помощи nз передавался звук ñ. Скорее всего слово *ажэ* стало известно китайцам ранее VIII в. — в 648 г.; в середине VIII в. сношения между обоими государствами прервались, а вскоре после этого ажэ объявил себя каганом, т.е. титул его изменился. Если так, то транскрипция *ажэ*, К. 'â nziät должна обозначать звуки añag или añäg (конечным согласным может

(119/120)

быть также *l* или *t*). Эту форму можно отождествить с тюркским титулом *inäl* или *inal* [43].

Этимологии, предложенные для других кыргызских слов, известных нам из китайских источников, неубедительны.

Сведений о языке кыргызов до эпохи Тан у нас нет. Существует предположение, что первоначально кыргызы говорили не на тюркском, а на каком-то другом языке, но оно основано только на косвенных (не лингвистических) данных.

Итак, киргизы (кыргызы) впервые упоминаются в китайских исторических сочинениях под названием (1) 南昆, 隔昆 *гэгунь*, (2) 坚昆 *гяньгунь*; позднее они называются (4) 結骨 *гегу* и (6) 黑結夏斯 *хягясы*. Все эти транскрипции отражают одну и ту же исходную форму и рассматриваются китайскими историками как равнозначные. Кыргызы эпохи Тан описываются как довольно большой (судя по размерам армии, превосходившей по численности войска уйгуров и киданей) народ, говоривший на языке тюркской семьи.

---

* Обсуждение этой проблемы было начато в журнале «Сов. этнография» статьями К.И. Петрова «К этимологии термина „кыргыз”» и Н.А. Баскакова «К вопросу о происхождении этнонима „кыргыз”» (1964, №2).

** [прим. сайта:] К сожалению, по причинам технического характера в веб-версии не удалось адекватно воспроизвести некоторые фонетические знаки (главным образом подстрочные).

[1] Менандр Протектор, История. В кн.: С. Дестунис, Византийские историки, СПб., 1860, стр. 379-380.

[2] Здесь и ниже китайские формы, представляющие собой фонетическую запись иноязычных слов, приводятся в русской транскрипции начала XIX в.; в настоящее время перед *e*, *u*, *ю*, *я* вместо прежних *г*, *к*, *х* принято писать *цз*, *ц*, *с* (*сяцзясы* вместо *хягясы* и т.п.). Иероглифическое написание китайских слов см. в конце статьи.

[3] Н.Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I, М.-Л., 1950, стр. 50 (здесь и ниже во всех случаях, когда китайский текст переведён Н.Я. Бичуриным, дается ссылка на перевод, а не на оригинальный текст).

[4] В 648 г. эта форма вводится вновь (Н.Я. Бичурин, Указ.раб., стр. 355).

[5] Там же, стр. 91, 229, 287. Вместо *кигу* Н.Я. Бичурин пишет *цигу*; это слово фигурирует также в легенде о происхождении тюрков (там же, стр. 222).

[6] Там же, стр. 350-357.

[7] Ван Пу, Тан хуйяо («Собрание важнейших сведений о династии Тан»), Пекин, 1955, т. III, гл. 100, стр. 1785. Ср. Н.В. Кюннер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961, стр. 56 (Н.В. Кюннер переводит тот же текст по другому источнику), а также Н.Я. Бичурин, Указ.раб., стр. 356 (где приводится менее подробный рассказ о том же посольстве).

[8] «Цзю Тан шу» («Старая история Тан»), гл. 138. В сер. «Соинь байна бэнь эрши сы ши» («Уменьшенное воспроизведение сводного текста 24 историй»), т. 12, стр. 14947 (1047).

[9] Ван Пу, Указ. раб., гл. 100, стр. 1785.

[10] [Н.Я. Бичурин, Указ.раб.](#), стр. 350 (в переводе Н.Я. Бичурина в обоих случаях употреблено слово *хягасы*).

[11] Ван Пу, Указ. раб., гл. 100, стр. 1785.

[12] Ср. [«Древнетюркский словарь»](#), Л., 1969, стр. 446 и 450.

[13] Здесь не рассматривается вопрос об этимологии самого слова *кыргыз*, которое иногда производят от *qirgu* (К.И. Петров, Указ. раб., стр. 81 и сл.; Н.А. Баскаков, Указ. раб., стр. 92-93). Речь идет только о том, является ли *хягасы* самоназванием народа или прозвищем, данным ему уйгурами.

[14] В. Karlgren, *Grammata Serica*, Stockholm, 1940. Некоторые малоупотребительные иероглифы не вошли в исследование Б. Карлгрена. Чтение их устанавливается по китайским словарям, где оно обозначено способом «разрезания»: к иероглифу подбираются два других так, чтобы первый из них читался с тем же начальным согласным, а второй — с той же конечной частью, что и исходный («разрезаемый») иероглиф. Зная реконструкцию чтения двух иероглифов, употреблённых для «разрезания» третьего, мы можем сложить из них чтение этого третьего иероглифа. «Разрезания», представленные в старейшем из дошедших до нас фонетических словарей — «Гуан юне», восходят к VI-VII вв.

[15] По соображениям технического характера придыхание здесь и ниже обозначается буквой *h*, а не апострофом, как у Б. Карлгрена.

[16] В. Karlgren, Указ. раб., р. 254, 226.

[17] Дун-Гун-хэ, Шангу иньюнь бяо га о (Опыт фонетических таблиц древнекитайского языка), «Лиши юйянь яньцзюсо цзикань» («Бюллетень Ин-та истории и филологии»), №18, Шанхай, 1948, стр. 95-96.

[18] С.Е. Яхонтов, рецензия на: В. Csongor, *Chinese in the Uighur script of the Tang-period*, «Советское востоковедение», 1956, №2, стр. 191.

[19] F. Hirth, *Chinese equivalents of the letter «R» in foreign names*, «Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society», vol. XXI, 1886, p. 214-223.

[20] В. Karlgren, Указ.раб., р. 351.

[21] Здесь и ниже приводятся без ссылки на источник китайские транскрипции, вошедшие в указатели к книге Н.Я. Бичурина ([Указ. раб.](#), III, 1953, стр. 160-307), а также наиболее широко распространённые транскрипции буддийских терминов. Буква *K* означает реконструкции произношения VI-VII вв. по Б. Карлгрену; знак = после реконструкции вводит предполагаемую исходную форму.

[22] С.Е. Яхонтов, Указ. раб., стр. 194.

[23] У Н.Я. Бичурина — *Билус*.

[24] Н. Maspero, *Le dialecte de Tch'ang-ngan sous les T'ang*, «Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient», t. XX, №2, 1920, p. 41-44.

[25] Сюань Цзан, Бянь Ци, Да Тан Си юй цзи («Записки о Западном крае великого государства Тан»), Пекин, 1955, гл. 5, стр. 10а.

[26] Хазары трижды упоминаются в гл. 221б «Новой истории Тан» — в первый раз под именем (25) *хэса* (у Н.Я. Бичурина *гэса*) при определении местоположения Хосюнь (Хорезма) и затем под названием (17) *кэса*, К. khâ sât в разделах о Босы (Иране) и Фулинь (Византии). Исходная форма в обоих случаях одинакова независимо от наличия или отсутствия *-t* в конце первого слога китайской транскрипции.

[27] Для иероглифа 27 拔 выбрано чтение, которое он имеет, обозначая географическое название.

[28] Сюань Цзан, Бянь Цзи, Указ. раб., гл. 1, стр. 106.

[29] «Суй шу» («История Суй»), гл. 84. В сер. «Уменьшенное воспроизведение сводного текста 24 историй», т. 9, стр. 11718 (840). Иероглиф 30 疑 имеет чтения $\eta i\grave{a}k$ и ηji ; выбрано второе, так как в этом чтении иероглиф входит в состав китайского географического названия.

[30] Н.Я. Бичурин, Указ. раб., т. I, стр. 350.

[31] Л.Р. Кызласов, Взаимоотношение терминов *хакас* и *кыргыз* в письменных источниках VI-XII веков, «Народы Азии и Африки», 1968, №4, стр. 89. Л.Р. Кызласов считает, что этноним *хакас* сохранился в настоящее время в форме *хаас* как самоназвание одной из групп современных хакасов (Там же, стр. 92).

[32] Как правило, в таких случаях можно найти и параллельную форму с $r(l)$, обозначенным через $-l$. Так, для $ba\dot{i}ŋq\dot{u}$ имеется и другая транскрипция — (39) *баегу*, К. $bhu\grave{a}t\ i\grave{a}t\ kuo$. Чтение $i\grave{a}t$ для второго иероглифа отсутствует в «Гуан юне», но даётся более поздним «Цзи юнем» со ссылкой на географическое название. Современное чтение этого иероглифа тоже предполагает древнее $i\grave{a}t$.

[33] Э.Дж. Пул्लиблэнк указывает на ряд транскрипций, в составе которых один согласный звук оригинала передаётся по-китайски целым слогом, кончающимся на не носовой согласный (E.G. Pulleyblank, The Chinese name for the Turks, «Journal of the American Oriental Society», vol. 85, №2, 1965, p. 121-125). Однако в нашем случае это объяснение явно не может быть применено: слогу *хя* не может соответствовать в оригинале один только согласный звук без следующего гласного. Независимо от этого следует отметить, что транскрипции, о которых говорит Э.Дж. Пул्लиблэнк, представляют собой довольно редкий случай.

[34] Не исключено, что слово *хаас* связано с этнонимом $qaŋqas$ из «Юань чао би ши» (С.А. Козин, Сокровенное сказание, т. I, М.-Л., 1941, стр. 174, 293). Может быть, тот же народ упоминается в «Новой истории Тан» среди трёх племён «лыжных тугюэ» под названием (40) *зэ'эчжи*. К. $k\grave{a}\ \eta\grave{a}\ t\acute{s}ie$ (что может указывать на исходную форму $qaŋq\acute{a}i$ или $qaŋq\acute{a}\dot{s}$); см. Н.Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 354 (слог *зэ* отнесён Н.Я. Бичуриным к предыдущему слову).

[35] Н.Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 186, примеч. 2 (в китайском тексте формы *жуужань* нет; действительное название народа — *жеужань*, в современной транскрипции *жоужань*).

[36] Н.В. Кюнер не прав, когда говорит, что *хагас* Иакинфа Бичурина есть «старинное чтение китайских иероглифов» (Н.В. Кюнер, Указ. раб., стр. 25). Во времена Н.Я. Бичурина прежнее чтение иероглифов ещё не было известно даже приблизительно.

[37] Н.Я. Бичурин, Указ. раб., I стр. 351. Н.Я. Бичурин полагает, что речь идёт о числе семейств; однако в «Собрании важнейших сведений о династии Тан» (гл. 100, стр. 1784) те же цифры приведены как число «ртов». В тексте, переведённом Н.Я. Бичуриным, речь идёт о хягсях, в «Тан хуйяо» — о гегу, но численность населения и войска указана одинаковая.

[38] Н.Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 302, 362, 340, 348.

[39] Н.Я. Бичурин, Указ. раб., I, стр. 353.

[40] «Синь Тан шу» («Новая история Тан»), гл. 2176. В сер. «Уменьшенное воспроизведение сводного текста 24 историй», т. 13, стр. 16945 (1531). Н.Я. Бичурин переводит это место неточно (ср. Н.В. Кюнер, Указ. раб., стр. 59); должно быть: «Из рыб есть ме, семи-восьми футов длиною, и мохынь, без костей, со ртом ниже челюстей». Вторую рыбу можно вслед за Н.Я. Бичуриным отождествить с осетром.

[41] L. Ligeti, Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, «Acta Orientalia», t. I, fasc. 1, 1950, p. 152.

[42] Там же, стр. 155.

[43] Есть сведения, относящиеся к более позднему времени, что киргизский правитель носил титул инал: «Киргизы своего правителя называют Иналь; это слово у них то же, что у Монголов (каан) и Таджикив падшах» («Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Перевод и предисловие Г.С. Саблукова», Казань, 1906, стр. 39). Сводку сведений о слове инал см. в кн.: А.Н. Кононов, Родословная туркмен, сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского, М.-Л., 1958, стр. 95-96. В китайских исторических текстах представлена и другая транскрипция слова inäl (в имени Инэль-кагана) : (46) *ине*, К- iê niet. Эта транскрипция указывает скорее на исходное jinäġ, так как слоги, начинавшиеся в китайском непосредственно с *i-* или *i̇-*, передают иноязычные слоги с начальным *j-*, в то время как иноязычные слоги с гласным началом передаются слогами, начинающимися с гортанной смычки -, как в слове *ажэ*) и реже с *γ-*.

高	昆	(隔	昆)	堅	昆	契	骨	結	骨	紇	乞	斯	
1				2		3		4		5			
黠	戛	斯	紇	骨	黠	戛	高	隔	紇	乞	契	戛	黠
6			7		8		9	10	11	12	13	14	15
阿	跌	可	薩	合	回	紇	斯	卑	路	斯	達	韃	
16		17		18		19		20		21		22	
骨	利	幹	伐	蘇	畔	度	曷	薩	拔	野	古	拔	
23				24				25		26		27	
峒	秣	建	得	嶷	嶷	達	干	羯	摩	葉	護		
28			29		30		31		32		33		
藥	羅	葛	可	汗	甘	哥	邏	祿	勿	拔	曳	固	
34			35		36		37		38		39		
哥	餓	支	哀	素	蔑	迦	沙	阿	熱	移	涅		
40			41	42	43	44		45		46			

Слово хакас в исторической литературе

// [Этнографическое обозрение](#). 1992. №2. С. 69-71.

С.Е. Яхонтов

<http://kronk.spb.ru/library/yahontov-se-1992.htm>

Слово *хакас* употребляется сейчас в двух значениях. Во-первых, это название (самоназвание) одного из народов Советского Союза, введённое в 1918 г. Во-вторых, некоторые историки используют его как возводимое к китайским источникам название государства или народа, известного также как «енисейские кыргызы». Ниже речь пойдет только о втором значении.

Строго говоря, в китайской литературе слова *хакас* нет. Иероглифическое написание этнонима, о котором идет речь, транскрибируется сейчас как *сяцзясы*. В начале прошлого века, в соответствии с существовавшим тогда произношением и правилами транскрипции, оно по-английски писалось *hia-kas-se*. Н.Я. Бичурин пользовался формами *хягас*, *хагас* [1], это несколько упрощённая транскрипция (ожидалось бы *хягасы*). Есть и другие варианты. К какому именно из них восходит принятое сейчас написание *хакас*, не знаю, но буква *к* (не *г*), а также два *с* (*хакасссы*) у некоторых авторов, например у В.М. Моржанова, скорее указывают на западный источник. Когда слово *хакас*, *хагас* появилось в русской востоковедческой литературе, оно не ассоциировалось ни с каким современным этнонимом.

Но уже более 100 лет назад было выяснено, что *сяцзясы* есть одна из китайских записей этнонима *киргиз*. Последний в разное время писался по-разному: китайское произношение менялось, и то же самое слово приходилось обозначать другими иероглифами. Наиболее известные транскрипции его — *цзянь-кунь*, *цзегу*, *сяцзясы* (современное чтение). Китайские историки определённо пишут о них как о трёх разных названиях одного и того же народа или государства.

Обсуждая происхождение этнонимов или других слов, извлечённых из китайских исторических сочинений, мы прежде всего должны ясно понимать, что в то время, когда эти слова были записаны, соответствующие им иероглифы читались совершенно иначе, чем сейчас. Например, название первого из 10 так называемых циклических знаков, которое сейчас звучит как *цзя*, древние тюрки около 1000 лет назад слышали как *qar* [2]. Никакие аналогии, отождествления, реконструкции, не учитывающие действительного чтения иероглифов в момент записи иноязычного слова, не имеют научной ценности. В частности, нам очень хорошо известно произношение VI-VII вв. (разногласия между исследователями касаются незначительных деталей); чтобы узнать его, достаточно посмотреть в словарь (так же, как мы определяем по английскому словарю правильное чтение английского слова), и тот, кто этого не делает, доказывает лишь, что не умеет пользоваться справочными пособиями. Правда, для прочтения иноязычного слова в китайском тексте одного лишь знания исторической фонетики может оказаться

(61/62)

недостаточно: надо ещё знать, как китайцы обычно передавали звуки, отсутствующие в их языке, например *р* или *ы*.

Иероглифы, которыми пишется слово *сяцзясы*, около 600 г. читались приблизительно как *ʃat kat sie* (для простоты опускаю знаки краткости при *a*, *e*). Конечный *-t* в транскрипциях иноязычных слов очень часто обозначает *r*, реже *l*. Однако перед слогом, начинающимся с переднеязычного согласного, *-t* то ли ассимилируется ему, то ли выпадает. Перед заднеязычным конечный *-t* сохраняется, вопреки мнению Н. Ц. Мункуева [3]; это подтверждается хорошо известными транскрипциями ряда этнонимов, имен и названий должностей, в которых *-t* перед заднеязычным обозначает *r* или *l*: *түрк*, *таркан*, *байырку*, *билгä* (в этот список входит и другая, более ранняя транскрипция слова *киргиз* — *цзегу*, где оба слога имели конечный *-t*). Форма *сяцзясы* появилась около 800 г.; в это время согласный *у* в китайском оглушился, т.е. перешёл в *χ* [4]. Китайский *k* обозначал в транскрипциях алтайских слов увулярный *q* (более передний передавался сочетанием *ki-* или *kj-*). Гласные слова, транскрибируемого как *сяцзясы*, неясны, тем более что параллельно существовала другая, редкая форма — *хэусы*, с теми же древними согласными, но другими гласными. Тюркский *a* после заднеязычных всегда передавался китайским *a* (звук, сходный с *a* в английском *cat*), а не более передним *a* (как в английском *cat*); это подтверждается транскрипциями таких слов, как *кат* «шаман», *сак ал* «борода», *таркан*, *каган*, *карлук*). Следовательно, гласный в тюркском оригинале слова *сяцзясы* не был *a*, но это был звук, довольно близкий к *a*, вероятнее всего *ы*. Итак, транскрипция *сяцзясы* предполагает исходную форму *хъркыс (конечный *s* передан отдельным слогом).

Транскрипция *сяцзясы* просуществовала несколько столетий. Но к XIII в. конечные неносовые согласные в северокитайских диалектах исчезли и появилась новая, менее точная транскрипция

этнонима *киргиз* — *цзилицзисы* (в современном чтении), где тюркский *p* передан отдельным слогом *ли*.

Ни в одном источнике, китайском или ином, названия *цзянькунь*, *цзегу*, *сяцзясы* не противопоставляются; напротив, обычно подчёркивается их однозначность [5]. Контексты, в которых употребляются слова *сяцзясы*, с одной стороны, и *цзегу* или *кыркыз* (в памятниках алфавитных письменностей) — с другой, тоже не дают оснований для их разного истолкования. Смысловое различие между *сяцзясы* и *кыркыз* в статье И. Л. Кызласова только постулируется, но не доказывается.

В современных китайских исторических и этнографических исследованиях или справочных пособиях слово *сяцзясы* рассматривается как одно из исторических названий кыргызов или их предков, например: «В эпоху Тан наиболее распространённым названием кыргызов было *сяцзясы*» [6].

«Археологические памятники государства Хакас» — не более чем терминологическая условность. Если, например, некоторый комплекс памятников Сибири называют «андроновской культурой», никто не станет искать транскрипцию этого слова в древней китайской литературе.

Подданные мнимого «государства Хакас» в письменных текстах называли себя кыркызами [7], так же именовали их и их соседи (тюрки, и китайцы). В орхонских надписях (памятник Кюль-Тегину) о кыргызах говорится как о «кыргызском народе» (*кыркыз бодун*), т.е. используется та же формула, что и для тюрков (*түрк бодун*), китайцев (*табгач бодун*), согдийцев, токуз-огузов, азов, эдизов и т.д. При перечислении разных народов и государств кыргызы входят в один список с Китаем, Тибетом, Римом (?), татарами, киданями... Ясно, что речь там не идёт о «правлящем роде державы», как получается у И.Л. Кызласова.

Проблема «государства Хакас» запутывается многочисленными мелкими ошибками, вплоть до неточного цитирования. Например, Л. Р. Кызласов, ища подтверждения тому, что кыргызы (*гяньгунь*) были «аристократическим династийным родом» в «древнехакасском государстве», цитирует перевод Н.Я. Бичурина:

(62/63)

«... гяньгунь есть небольшой род» [8]. Между тем у Н.Я. Бичурина сказано не «гяньгунь», а «Хагас» [9], то же самое (т.е. *сяцзясы*) — и в китайском оригинале.

И.Л. Кызласов сопоставляет со словом *хакас* (взятым, напомним, не непосредственно из китайских источников, а из европейских работ начала прошлого века), реально существующее самоназвание некоторых групп современных хакасов и соседних народов — *хаас*, *хааш*. Форма *хаас* — современная хакасская (качинская), переносить её в таком виде в средние века нет оснований. Да, долгие гласные в большинстве тюркских языков действительно возникают при исчезновении согласных *z/z* и *ç*, (см. [10]). Однако не могут выпадать (в середине корня, т.е. не при словоизменении) *k/k*. Далее, из двух форм — хакасской *хаас* и тофаларской *хааш* — первая более поздняя: в хакасском общетюркский конечный *ш* (а также *ч*) закономерно заменился на *с* [11]. Начальный *х* в хакасском происходит из общетюркского *k* [12]; в общетюркском звука *х* не было, начальный *х* в древних и современных тюркских языках встречается в заимствованных словах или, как в хакасском, восходят к *k* (иногда и к *к*). Таким образом, форма *хаас* предполагает более раннюю **kaʃaʃ* или **kaʃaʃ*. Этноним, близкий ко второй из этих реконструкций, действительно существует — это *гэ'эчжи* (*каңач*) в «Синь Тан шу» (гл. 2176) и *канкас* в «Сокровенном сказании» (§ 239).

Итак, ни в китайском, ни в тюркском материале мы не находим этнонима, который в средние века мог бы звучать как *хакас* или *хагас*.

[1] Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 350.

[2] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 420.

[3] Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа / Пер. с китайского, введение, комментарий и приложения Мункуева Н.Ц. М., 1975. С. 128.

[4] Ло Чанпэй. Тан У дай сибэй фанъинь (Произношение северо-западного диалекта в эпоху Тан и Пяти династий). Шанхай, 1933. С. 165.

[5] Бичурин. Н.Я. (Иакинф). Указ. раб. С. 350, 351.

[6] Чжунго шаошу миньцзу чанши (Основные сведения о национальных меньшинствах Китая) / Ред. Ма Инь. 2-е изд. Пекин, 1985. С. 319.

[7] См., например, Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952. С. 84, 85.

[8] Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 24.

[9] Бичурин Н.Я. (Иакинф). Указ. раб. С. 357.

[10] Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 177.

[11] Там же. С. 162, 163, 169.

[12] Там же. С. 98, 99.

О самоназвании хакасов

И.Л. Кызласов

// [Этнографическое обозрение](#), 1992. №2. С. 52-59.

Сегодня коренное население Хакасии в составе Российской Федерации повсеместно использует в качестве самоназвания имя *хакас*, *хакастар* — хакасы [1]. Природа возникновения и содержание этого этнонима в изменяющихся исторических условиях до сих пор различно истолковываются учёными. Ряд положений той концепции, которая представляется автору этих строк наиболее историчной, нуждается в особом внимании. Однако, не будучи подробно изложенными в имеющейся литературе, они часто недооцениваются оппонентами, что приводит к непониманию и даже к порождённым им искажениям воззрений исследователей. Цель нашей статьи — способствовать устранению подобных неясностей и ошибок.

1. В бытующей ныне форме этноним *хакас* возвращён южносибирскому народу Советской властью. В апреле 1918 г., уже через полгода после образования, Минусинский Совет рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов признал социальные и национальные права коренного населения тогдашних Минусинского края и Ачинского уезда вместе с его единым самоназванием *хакасы* [2]. В дальнейшем, на всех этапах государственного социалистического строительства, это имя народа неизменно официально утверждалось всеми нормативными актами, вплоть до Конституции

Союза ССР. Одновременно оно постоянно подтверждалось и самим населением, как в переписях, в паспортной и иной личностной документации, так и, что особенно важно, в повседневном быту.

Общеизвестно, что при царизме слово *хакас* не было официальным именем коренного населения. Однако совершенно ясно, что если бы оно не было известно задолго до 1917 г., оно не могло бы прозвучать из уст только что родившейся Советской власти. Нам остаётся лишь уяснить, в какой среде этноним *хакас* употреблялся тогда в этом своём качестве.

Есть две группы фактов, позволяющих понять ситуацию. Первая состоит из зафиксированных в литературе наименований интересующего нас южносибирского населения, существовавших тогда, когда это население рассматривалось как яшашные инородцы, принятые под «высокую руку» Российской империи. Официально хакасы именовались тогда минусинскими (абаканскими), кузнецкими и ачинскими татарами, т.е. вычленились среди прочего подвластного населения прежде всего согласно национальному и административному делению государства. В результате единый народ был расчленён на три части, включённые в три разных уезда двух губерний. Зафиксированные в литературе, в том числе и в научной, бытовавшие среди хакасов самоназвания (*сагайцы, качинцы, койбалы, кызыльцы*) до сих пор расцениваются в этнографических и исторических сочинениях как имена былых племенных подразделений. На деле же появление этих этнонимов было искусственным. Их наименования стали столь же официальными, как и перечисленные названия «абаканские», «минусинские» и прочие «татары», потому что имена «племен» были введены царским правительством в связи с созданием административной системы с соответствующими инородческими думами (позднее — управами: Качинской, Койбальской, Кызыльской, Сагайской — первоначально Соединённых разнородных племён). С 1822 г. это «племенное» членение народа почти столетие внедрялось властями в сознание людей

(52/53)

и сегодня сохраняется в их памяти наравне с такими «обобщающими» этнонимами и названиями царского времени, как «татары» и «инородцы». Современные этнические подразделения хакасов и известный среди них этноним *тадар* («татарин»), таким образом, являются отголосками царской официальной административной системы разделения и «объединения» населения и распространявшихся этой системой этнонимов. Подобные правительственные установления в немалой степени способствовали оживлению и закреплению в памяти расчленяемого администрацией народа былой дробной системы узких этнонимов, восходящих к родовому строю, — имён общин-сеоков.

Итак, литературные источники дооктябрьского периода не дают оснований для утверждения, что этноним *хакас* бытовал среди народа в качестве общего самоназвания. Однако необходимо помнить, что мы имеем дело с источниками или официальными, или отразившими официальную систему, и, следовательно, сама проблема этнической терминологии той эпохи не должна восприниматься нами упрощенно. Она требует глубокого, еще далеко не завершённого научного исследования.

Вторая группа данных заключена в научной, прежде всего исторической литературе дооктябрьского периода. С конца XVIII в. в науке производились сбор и анализ письменных и археологических свидетельств о средневековом южносибирском государстве, название которого, как и имя его населения, читалось как *хакас* [3] или *хагас/хягас* [4]. Этноним *хакасы* (в разных фонетических вариантах) утвердился для обозначения двух этих явлений исторического прошлого. Наука конца XVIII — начала XX в. в значительной степени рассматривала аборигенов бассейна Среднего Енисея как потомков древнего государства хакасов. Однако для решения интересующего нас вопроса этот аспект, пожалуй, не самый существенный. Значительно важнее уяснить главное: в дооктябрьский период официально-государственный и научный взгляды на этническую природу «инородцев» Южной Сибири были по существу диаметрально противоположными. Если правительственная система была объективно направлена на расчленение народа, то наука оставалась

единственной, внешней по отношению к этносу силой, которая отстаивала его единство. Только наука выявляла и учитывала объединяющие хакасов черты лингвистической, этнокультурной и исторической общности. Несмотря на официальную идеологию и политику и даже вопреки им, в научной литературе коренное население представляло как единый этнический организм [5].

Именно такой, глубоко научный взгляд на коренное население был естественно воспринят наиболее передовой частью российского общества — победившим революционным движением. Научная, точнее говоря, научно-историческая основа нового национального размежевания и строительства проявилась уже в самых первых шагах Советской власти в Сибири. Одним из них стало образование в начале 1918 г. Хакасского степного самоуправления во главе с Хакасским степным советом.

Таким образом, первый вывод, к которому мы приходим: сразу после победы революции органами Советской власти было возвращено хакасам не только право существования как самостоятельного и единого народа, но и общее этническое имя, выявленное наукой в отношении их прямых предков [6]. В этой древней и «книжной» форме — *хакас* — имя было сразу же воспринято всем народом, стало его самоназванием. Последние факты весьма важны и показательны. Они неопровержимо свидетельствуют о том, что решение Советской власти ни в малейшей степени не было искусственным, а сам этноним *хакас* не был для народа чужеродным. Учитывая дооктябрьскую ситуацию, известную нам по литературе, следует признать, что данное явление ранних лет Советской власти — принятие этнонима самим народом — нуждается в исследовании [7].

Такова природа современного самоназвания хакасов.

2. Европейская и русская наука почерпнула слово *хакас* из древнекитайской литературы, где оно имело этнополитическое и этногеографическое значение: так

(53/54)

называлось государство, его земли и население [8]. Сравнение дальневосточных свидетельств о государстве *Хакас* со средневековыми письменными памятниками других народов (греко-, тюрко-, персо- и арабоязычных) привело историков к выводу о том, что в последних оно описывается под названием государства *Кыргыз*. Многие современные ученые пошли за «средневековым большинством» и именуют южносибирскую державу кыргызской — так, как и все некитайские источники. Если мы учтём, что и в некоторых китайских сочинениях употребляется имя *кыргыз*, а не *хакас*, то численное превосходство источников, содержащих этноним *кыргыз*, над теми, где упоминается наименование *хакас*, станет очевидным. Логическим завершением влияния на умы учёных этого количественного терминологического преобладания явилось стремление ряда исследователей употреблять в своих работах лишь одно наименование — *кыргыз*, полностью игнорируя термин *хакас*, традиционно применявшийся востоковедами недавнего прошлого.

Такое состояние исторической литературы оказало влияние и на синологию, в которой возникло утверждение, что самостоятельного термина *хакас/хагас* в китайских источниках нет. Его появление в научной литературе с этих позиций объясняется применением ныне устаревшей системы прочтения древних иероглифов. Следовательно, само слово *хакас* объявляется искаженным воспроизведением термина *кыргыз* [9]. Однако этот историко-фонетический пересмотр не находит полной поддержки среди китаистов [10].

В то же время наиболее важным в этой историографической ситуации является, пожалуй, следующий парадокс. Введённый в научную литературу синологами древний термин *хакас/хагас* ныне уже не может быть из неё изъят исследовательскими ревизиями одних лишь китаистов. Следует помнить, что историческая и этнополитическая неоднородность и неоднозначность обозначений *хакас* и *кыргыз* в китайских письменных памятниках были показаны историками, получившими качественно новую источниковедческую базу для наполнения конкретным содержанием свидетельств

дальневосточных хроник. Основой этого послужило не только надежное вычленение археологических памятников, оставшихся от «государства Хакас». Их осмысление привело во взаимосвязанную систему данные многих исторических дисциплин [11]. Проблема существования в древности самого термина *хакас* вышла за пределы исторической фонетики китайского языка и письменности и ныне занимает самостоятельное место в аналогичных разделах тюркского и самодийского языкознания.

Такая количественная особенность гласных звуков в тюркских языках, как долгота, бывает первичной и вторичной. Последняя образуется несколькими способами. Но в языках Саяно-Алтая (прежде всего в тувинском, хакасском, шорском и североалтайских диалектах) господствует один путь образования долготы: она формируется при так называемом стяжении гласных, происходящем при выпадении разделяющих их согласных (наиболее часто — заднебжно-язычных: *к/г, х/ф, н*), и параллельной ассимиляции гласных в соответствии с общими для тюркских языков законами сингармонизма. Подобное образование долгих гласных, на современном кириллическом письме обозначаемых удвоенным написанием соответствующей буквы, существует в живых тюркских языках Южной Сибири при различных формах словоизменений и словообразований (главным образом при присоединении к именным или глагольным основам различных аффиксов). Приведем примеры из хакасского языка: *азах* (нога) + *ы* (аффикс принадлежности) должно бы быть *азагы* (так как *х* озвончается в *г*), но дает *аза(х) + ы = азаа* (его нога; *ы* подвергается прогрессивной ассимиляции); *киме* (лодка) + *ге* (аффикс дательного падежа) = *киме(г)е = кимее* (лодке); *ойна*-(играть) + *ган* (аффикс причастия прошедшего времени) = *ойна(г)ан = ойнаан* (игравший); *пу* (этот) + *күн* (день) = *пу(г)үн = пуүн* (сегодня) и т.п.

Одной из особенностей названных языков Саяно-Алтая является существование практически только вторичных долгих гласных в самих словесных основах, появившихся в результате подобных изменений в фонетике их

(54/55)

языков-предков [12]. Строгая закономерность таких фонетических процессов при сохранении качества древнего гласного былого первого слога (чего во многих других языках не наблюдается) даёт надежную основу для реконструкции первоначального облика слов со вторичными долгими гласными этих современных языков Южной Сибири. Например, хакасских: *оол* (сын, парень) = *о(г)ол = о(г)ул = огул*; *аас* (рот) = *а (г)ас = а (г)ыз = а г ыз*; *оос* (желток, молозиво) = *о(г)ос = о(г)уз = о г уз, аар* (тяжело) = *а(г)ар = а(г)ыр = а г ыр* и т.д. [13]

Взгляд с этих позиций на название одной из территориально наиболее распространённых групп хакасов — *хаас* (русское — *кач, качинцы*), равно как и на подобные этнонимы ряда соседних и удаленных сибирских и центральноазиатских народов — *хаас, хааш, хаасут* и т.п., позволяет уяснить, что в нём в закономерно изменённой форме сохранился древний этноним. В соответствии с нормами местных тюркских фонетических трансформаций он реконструируется в виде *хагас* или *хахас*: *хаас = ха(г/х)ас = хагас* [14].

Настоящая выкладка лишает тюрколога любых сомнений в том, что древние китайские источники сохранили средневековый этноним в его тюркоязычном воспроизведении того времени. Возможно даже, что принятая Н.Я. Бичуриным форма *хагас* точнее передает это заимствованное китайцами название, чем более распространенное *хакас*.

Заемствованность этнонима *хакас* в китайских источниках ясна. Но и реконструированная форма *хагас/хахас* также является привнесением в тюркоязычную среду. Для неё отсутствуют тюркоязычные этимологии, но обнаруживаются смысловые соответствия **в важнейшей части самодийской лексики — среди слов, выражающих понятия «люди», «человек», «мужчина»: *кас / хас, кас / хаса*** [15]. В соответствии с этим первоначальная природа этнонима *хакас* выглядит как исконно самодийское построение *ха + кас / хас*, в котором первая часть, возможно, служит определением ко второй. При переходе в тюркоязычную среду, должно быть, произошло понятное в

условиях ее фонетических закономерностей озвончение согласного в интервокальной позиции. Дальнейшее уяснение этимологии этнонима *хакас* связано с исследованием в области исторической лексикологии и фонологии самодийских языков Сибири.

Таким образом, второй вывод, к которому мы приходим: существование этнонима *хакас / хагас* в средневековье суть историческая реальность. Этот факт подтверждается наличием современной производной от него формы *хаас / хааш*. Тюркологические данные делают беспочвенным скепсис по поводу правильности прочтения этого этнонима китаистами прошлого. Свидетельства его существования, независимо полученные в двух областях лингвистического востоковедения, подтверждаются наблюдениями над самодийской лексической этимологией, а все это вместе полностью соотносится с основными особенностями исторического процесса в районе Саяно-Алтайского нагорья. Вместе с тем тюркологические наблюдения, пожалуй, объясняют быстроту и единодушие, с которыми коренное население Присяянья восприняло после Октября имя *хакас* как самоназвание.

3. Письменные источники сохранили до нашего времени два различных наименования одного и того же средневекового енисейского государства: *Кыргыз* и *Хакас*. Суть данной ситуации уже выявлена историками; содержание и, следовательно, различие двух терминов ясны: *кыргыз* есть наименование правящего рода этой державы, а *хакас* — всего его населения, имевшего смешанную этническую и даже различную языковую принадлежность [16].

Какое же из двух названий древней державы, сложившейся на Среднем Енисее, и ее населения следует предпочесть и по каким причинам?

Строго говоря, средневековое южносибирское государство можно называть, по имени его аристократического рода, кыргызским. В этом нет ничего неточного, ибо мы следовали бы за средневековой международной традицией, признававшей и правящим слоем самой страны. Нет в этом и ничего необычного, ибо примеров подобного формирования государственных наименований во всемирной истории

(55/56)

множество (Русь, Чехия, Польша, Франция, Болгария и т.п.). Наконец, в этом продолжалась бы традиция начального русского названия этих владений как «Кыргызской земли» в XVII в. Однако, оценивая научную строгость такого названия, следует учесть два существенных обстоятельства.

В рассматриваемую раннесредневековую эпоху во всех источниках термин *кыргыз* имел прежде всего политическое содержание. Его этническая суть в отличие от других подобных случаев никогда не распространялась за пределы правящего аристократического рода, не стала наименованием средневековой народности, общим именем этнического ядра державы. Поэтому и употребление самого термина в научной литературе может быть оправданным лишь в политическом смысле — для наименования государства, владений, системы управления и т.п. Применение же термина *кыргыз* (кыргызы) как этнонима — названия более широкого, чем имя правящего рода, — для определения этнически характерной культуры, языка, физического облика и других общих характеристик населения этого государства и его коренной территории неправомерно.

Осознавать это особенно важно ещё и потому, что историческая судьба имени *кыргыз* не ограничилась указанной спецификой его бытования в средневековом южносибирском государстве. После гибели этой державы название *кыргыз* сохранилось не только среди некогда входившего в неё населения в пережиточно-прежней форме родового наименования (подразделения - секи алтайцев, хакасов, тувинцев и других современных народов). Это имя, попав в период наибольшего расцвета государства в IX-X вв. на новую этнополитическую почву, после гибели южносибирской державы распространилось в среде некогда позаимствовавшего его народа. В самом факте такой «передачи» наименования нет ничего необычного. Подобные ситуации в истории известны, и на этом нет нужды

останавливаться. Значительно важнее осознать другое. Только в среде прямых позднесредневековых центрально- и среднеазиатских предков современных киргизов имя *кыргыз* приобрело значение народного самоназвания, стало подлинным этнонимом.

Таким образом, третий наш вывод: термин *кыргыз* прошел в эпоху средневековья два этапа развития, и содержание его на каждом этапе было различным [17]. На первом он имел политическое значение в качестве определения феодального государства и очень узкую этнонимическую (точнее — этносоциальную) функцию, служа наименованием только правившего аристократического рода. Этот этап завершился вместе с гибелью енисейского государства в конце XIII в., хотя его пережиточные черты продолжали существовать в Южной Сибири вплоть до Октябрьской революции в наименовании и социальном статусе местных общин-сеоков. На втором этапе, начавшемся, видимо, в XIV-XV вв., но ясно обозначившемся не ранее XVII-XVIII вв., произошло своеобразное перераспределение роли политической и этнической составляющих термина *кыргыз*. Он приобрёл прежде всего этническое значение в качестве самоназвания крупного тюркоязычного народа восточной части Средней Азии, а его политическое значение, ясно осознаваемое на первых порах восприятия термина в новой среде его носителей, сильно уменьшилось. Вновь политическое значение термина *кыргыз* возросло лишь с образованием Киргизской ССР [18]. Новым содержанием наполнилось оно при образовании Республики Кыргызстан.

Только с осознанием и разграничением сути термина *кыргыз* на двух этапах его средневековой истории допустимо его использование в научной литературе. Сегодня в исторических сочинениях, к сожалению, господствует иное употребление слова — прежде всего как этнонима. Даже терминологическое разграничение «енисейских кыргызов» и «тяньшаньских киргизов» несет прежде всего географическое, а не этноисторическое размежевание.

Из сказанного проистекает, что при упоминании древнего кыргызского государства возникает неправомерное смешение его истории с историей современного киргизского народа (усиливающееся ныне возвращением в официальное обращение национальной и древней формы его написания и произношения — *кыргыз*). Этим

(56/57)

создается путаница, неизбежно приводящая к ошибочному восприятию реального исторического процесса, совершенно ложному его истолкованию, что в свою очередь не позволяет проводить конкретно-исторические изыскания. В этом не заинтересованы ни исторические потомки древней державы — ряд так называемых малых народов Сибири, ни, что не менее важно, современный киргизский народ. Таковы причины, заставляющие нас признать непродуктивным наименование древнего южносибирского государства кыргызским. Желательно оставить понятие «древние киргизы» за прямыми предками киргизского народа.

4. Второе наименование древней державы, сохраненное китайскими хрониками, имеет преимущество перед названием *кыргыз* уже в том, что лишено связанных с ним, отмеченных выше сложностей и недостатков. К тому же, согласно летописям, возникнув от смешения аборигенов-динлинов и пришельцев-кыргызов, объединение Хакас/Хагас — в этническом плане понятие более широкое. Обозначая разноплеменное и первоначально, вероятно, даже разноязыкое население, включавшее в себя как один из элементов и самих кыргызов, это наименование относится к термину *кыргыз* как общее понятие к частному. В силу этого употребление слова *хакас* для обозначения раннесредневекового государства на Енисее дает историку ещё одно преимущество — обладание летописным термином, отражающим сложность этнополитических процессов, происходивших при сложении нового исторического образования, ставшего ядром южносибирского государства. Сохранившиеся до наших дней формы древнего слова *хакас* — *хаас* / *хааш* и их ареал свидетельствуют, что со временем этот изначально политический термин стал этнонимом и обозначал тюркоязычное население. Ещё предстоит выяснить, когда это произошло (в качестве этнонима слово отмечается уже в источниках X в.) [19] и какие изменения претерпело содержание этого наименования

в разных исторических условиях. Однако сам факт сохранения термина *хакас* на тех же территориях, для которых его впервые отмечают древнекитайские источники, — ещё одно подтверждение правомерности его употребления для наименования средневекового южносибирского государства.

При подобном использовании термина *хакас* есть только одна серьёзная сложность, как представляется, в немалой степени обусловившая критическое его восприятие рядом историков. Таково полное внешнее соответствие этого наименования названию современного хакасского народа. Вполне понятно, что при учёте этого обстоятельства было бы совершенно антиисторично называть средневековое южносибирское государство хакасским. Этому противоречия не знали историки дооктябрьского периода, безоговорочно писавшие о хакасах и хакасском государстве по отношению к древности и средневековью. Ныне же термины *хакас* и *хакасский* целиком принадлежат современной южносибирской народности, являются определением свойственных ей этнических и культурных особенностей. Современный этап существования возрожденного древнего имени лишает историков возможности употреблять его в чистом виде для обозначения средневекового енисейского государства. Однако поскольку у термина *хакас* есть и древнее, и современное содержание, ничто не мешает историку говорить о древнехакасском государстве и древних хакасах. Эти словосочетания имеют строгое научное содержание и, естественно, не тождественны современному смыслу слов *хакас* и *хакасский*, как, скажем, не тождественны друг другу понятия *древнерусское* и *русское*.

Таким образом, четвертый наш вывод: называя средневековое государство древнехакасским, историки проводят обоснованное разграничение явлений прошлого и настоящего. Термины *древнехакасское* и *хакасское* имеют различное историческое содержание и не могут быть взаимозаменяемы.

Лишь при неисторичном подходе и смешении этих двух различных терминов — *хакасское* и *древнехакасское* — могут возникнуть непонимание и неверное толкование работ о южносибирском средневековье, использующих соответствующую лексику.

(57/58)

Наследие древнехакасского государства ни в коей мере не может расцениваться как достояние лишь современного хакасского народа. В меньшей степени оно принадлежит другим современным народам Сибири (тувинцам, алтайцам, тофаларам, шорцам, чулымским тюркам и т.д.). Древние и средневековые хакасы были единым субстратом всех названных народов. Целью исторических исследований должны стать выявление и обоснование этого важнейшего положения. Громадной исторической значимостью обладает факт былого вхождения исторических предков всех южносибирских народностей в одно средневековое государство. Задача историков — выявлять общие этноисторические и культурные корни коренных саяно-алтайских народов. При осознании данных конкретно-исторических условий исследование этногенеза и этнической истории каждого из этих народов перерастает в работу по выявлению их глубинной исторической близости, получившей новое содержание при общем вхождении в Российское государство, особенно в послеоктябрьский период его существования.

Примечания

[1] По данным переписи 1989 г., численность хакасов составляет 80 тыс. человек.

[2] В 1988 г. исполнилось 70 лет принятию первого акта хакасской советской государственности — «Положения о Хакасском степном самоуправлении» (Борьба за власть Советов в Хакасии. 1917-1923 гг. Абакан, 1961. С. 116-123).

[3] Транскрипция европейской синологии, утвердившаяся и в русской историографии. См., например, из ранних сочинений: *Visdelou C. Histoire abrégée de la Tartarie // Bibliothèque Orientale. P., 1779; Klaproth J. Sur quelques Antiquités trouvées en Sibirie // Journal Asiatique. T. II. №7. 1823; idem. Memoires relatifs a l'Asie. P., 1824-1826; Abel-Rémusat J.P. Memoires sur plusieurs question relatives a la géographie du l'Asie Centrale. P., 1825.*

[4] Транскрипция Н.Я. Бичурина (*Иакинф*, монах. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. I. СПб., 1851).

[5] См., например, *Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племён, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. II, СПб., 1868. С. X, XII.*

[6] Постановление Губернской административной комиссии от 16 ноября 1922 г.: «4. Выделяемому уезду присвоить название „Хакасский“, по древнему названию народности, ныне его населяющей» (Хакасский уезд. Документы и протоколы Губадминкомиссии, представленные ВЦИКУ. Красноярск, 1923. С. 29).

[7] Сразу же после восстановления Советской власти на Енисее в государственных документах фиксируется чрезвычайно важное для нас утверждение о существовании общего для всего народа имени «хакасов, как называют они себя» (Хакасский уезд. С. 20).

[8] *Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950; Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.*

[9] *Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // Сов. этнография (далее — СЭ). 1970. №2.*

[10] *Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н.Ц. Мункуева. М., 1975. С. 128; Моржанов В.М. Из истории взаимоотношений уйгуров с Китаем в IX веке (по китайским источникам) // 9-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». Ч. I. М., 1978. С. 187.*

[11] *Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. VII. Абакан, 1959; его же. Взаимоотношение терминов хакас и кыргызы в письменных источниках VI-XII веков // Народы Азии и Африки, 1968. №4; его же. История Тувы в средние века. Гл. IV. М., 1969; его же. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 52 сл.*

[12] *Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961. С. 33-37; Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А. Баскакова. М., 1975. С. 19 сл.*

[13] В алтайском и киргизском, например, древнее качество начальных гласных утрачено и слова приобрели иной облик: *уул* (сын), *оос/ооз* (рот), *уур/оол* (тяжело) и т.д.

[14] Впервые высказано С.В. Киселёвым (*Киселёв С.В. Из древней истории Хакасии // Сов. Хакасия. №169. 1945, 24 августа*); *Доможаков Н.Г. О некоторых особенностях сагайского и хааского (качинского) диалектов // Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. IV. Абакан, 1956. С. 65.*

[15] *Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна // СЭ. 1940. Т. III (этноним карагас автор полностью переводит с самодийского — «журавлиные люди»); Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien, 1720-1727. T. I. B., 1962. S. 163; Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 289, 303 (приведены данные из рукописного словаря Г.И. Спасского 1806 г.).*

[16] См. названные работы Л. Р. Кызласова. (58/59)

[17] В досредневековый период у этого термина был ещё один этап развития, зафиксированный ханскими хрониками с III в. до н.э., но его рассмотрение не входит в нашу задачу.

[18] Советский этап — четвёртый в истории существования этнонима *кыргызы*.

[19] Тан хуйяо. Гл. 100: «...ныне посол говорит, что они сами имеют это название». См.: Яхонтов С.Е. Указ. раб. С. 111; Кюнер Н.В. Китайские историки-летописцы о хакасах. Библиографический обзор //Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. III. Абакан, 1954. С. 141. №64.

О статье И.Л. Кызласова «О самоназвании хакасов»

С.Г. Кляшторный

// [Этнографическое обозрение](#). 1992. №2. С. 59-61.

<http://kronk.spb.ru/library/klashtorny-sg-1992.htm>

Статья И. Л. Кызласова касается не только самоназвания хакасов, но и различных наименований этого народа в разные исторические эпохи. Прежде всего выделим то, в чём И. Л. Кызласов безусловно прав: в XIX-XX вв., когда этнография хакасов не была ещё предметом научных изысканий, хакасы в какой-то степени осознавали своё этническое единство. Вопрос об экзоэтнонимах и эндоэтнонимах этого, по словам И.Л. Кызласова, «единого этнического организма» более сложен, но для краткости может быть сведён к нескольким основным тезисам.

1. До недавнего времени вопрос сводился к обсуждению места в хакасской этнонимии трёх терминов: *кыргыз*, *хакас*, *тадар* (*татар*). Исследование известного специалиста в области древнекитайской фонетики С. Е. Яхонтова показало, что заимствованный из китайских источников и введённый в научный оборот Н. Я. Бичуриным термин *хагас* / *хакас*, принятый в 1918 г. по желанию национальной интеллигенции в качестве самоназвания, есть неточная транскрипция термина *кыргыз*. Попытка критики И. Л. Кызласовым выводов С. Е. Яхонтова ссылками на иное мнение «лингвистов-китаистов» Н. Ц. Мункуева и В. М. Моржанова несостоятельна хотя бы потому, что оба почтенных синологов отнюдь не лингвисты и тем более не специалисты в области исторической фонетики китайского языка.

(59/60)

Практически после исследования С. Е. Яхонтова стало совершенно очевидно, что и в китайских, и в древнетюркских, и в мусульманских, и в византийских, а позднее и в русских источниках название народа и страны фиксируется одинаково — *кыргыз*, *хыргыз*, *кыргызская земля*.

В недавней статье столь видного специалиста в области древнекитайской фонетики, каким является Э. Пуллиблэнк, тождество известных транскрипций и их соответствий этнониму *кыргыз* рассматривается как очевидное; обсуждаются только причины замены одного термина другим в свете истории тюркских языков [1].

2. Другое, бытующее до настоящего времени старое самоназвание хакасов — *тадар-татар*, вовсе не «отголосок царской официальной административной системы», как считает автор, а явление несравненно более древнее. После монгольского завоевания земля енисейских кыргызов вошла в состав Юаньской империи: «С приходом к власти династии Юань этот народ (цзилициси) разделили и создали девять тысяч дворов» [2].

При распаде Юаньской империи в конце XIV в. земли по Среднему и Верхнему Енисею отошли к ойратам, которых, однако, в 1399 г. возглавила кыргызская династия. Её основатель Угэчи-кашка отменил прежнее название Юань и учредил новое официальное название владения и народа *Дадань*, т.е. *татар* [3]. Так параллельно самоназванию *кыргыз* вошло в употребление иное официальное

обозначение, более широкое по политическому и территориальному охвату, но тем не менее достаточно устойчиво локализовавшееся в северной части Ойратского государства.

3. Наряду с этими двумя самоназваниями, одно из которых (*кыргыз*) как общенародное обозначение к XIX в. уже было утрачено, действительно существовало ещё одно общее название, которое как эндоним сохранилось в хакасском фольклоре, а кроме того, у соседей хакасов. Этот термин — *хоорай*. Меня удивляет, что работы выявившего это действительно общее и достаточно древнее самоназвание известного хакасского этнографа, фольклориста и языковеда В.Я. Бутанаева обойдены вниманием И. Л. Кызласова. Хакасский фольклор очень чётко фиксирует этноисторическую преемственность народа хоорай от кыргызов: *Хыргызтын тогыс мун толы хоор чоны* — «Кыргызский объединённый девятитысячный народ хоорай» [4].

В сущности тремя приведёнными тезисами исчерпан предмет обсуждения, и, как очевидно, все они совсем не согласуются с концепцией И.Л. Кызласова.

Примечания

[1] Pulleyblank E.G. The Name of the Kirghiz // *Central Asiatic Journal*. 1990. V. 34. №1-2. P. 98-107.

[2] Кычанов Е.И. Сведения из «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке. Публикация источников. // *Изв. АН КиргССР. Сер. общественных наук. Т. V. Вып. I. 1963. С. 59.*

[3] Ещё Я. Шмидт в своём издании сочинения Санак Сацэна пишет о кыргызах как об одном из племён Ойратского союза и упоминает их главу «ойрата из народа кыргызов» Угэчи Хашагу. См.: Schmidt J. *Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen*. St.-Petersburg, 1829. S. 56, 142. Позднее Г. Ховорс, правильно отождествивший Угэчи Хашага монгольских источников с Гуйличи из китайской династийной истории «Мин-ши», отметил, что согласно китайским сведениям, Гуйличи отказался от титула «хана монголов», т.е. от династийного имени Юань, так как не принадлежал к Чингизидам, а провозгласил себя «ханом татар», назвав так управляемый им народ. См.: Howorth H. *History of the Mongols*. Pt. 1. L., 1876. P. 352. Подробно об истории кыргызской династии у ойратов см.: Петров К.И. К истории движения киргизов на Тянь-Шань и их взаимоотношений с ойратами в XIII-XV вв. Фрунзе, 1961. С. 149-174. Ныне Т. Бейшеналиев восстановил титул Угэчи (монг. хашага передает кыргызский титул кашка) и привёл изложение отрывка из китайского источника о смене названия Юань на Дадань, см.: Бейшеналиев Т.О. *Киргизы и Джунгарское ханство. XVII-XVIII вв. Автореф. канд. дис. Л., 1989. С. 9.*

[4] Бутанаев В.Я. Происхождение хакасов по данным этнонимике. // *Историческая этнография: традиции и современность. Вып. II. Л., 1983. С. 68-72; его же, К исторической этнонимике хакасов (термин «хоорай»). // Историческая этнография. Вып. III. Л., 1985. С. 25-29, его же. Историческая*

(60/61)

судьба енисейских киргизов по данным фольклора народов Южной Сибири. // *Вопросы этнической истории киргизского народа. Фрунзе, 1989. С. 66-77.*

Об этнонимах хакас и татар и слове хоорай (ответ оппонентам)

И.Л. Кызласов

// [Этнографическое обозрение](#). 1992. №2. С. 69-76.

Обсуждение сложных вопросов происхождения ряда южносибирских этнонимов, устроенное редколлекцией журнала, весьма плодотворно. Оно позволяет исследователям чётко выявить свои позиции, сопоставить их с иными мнениями и, следовательно, побуждает к новым поискам. Именно этому, надеюсь, будут способствовать и мои строки, ибо многие высказанные оппонентами мысли недостаточно обоснованы.

Начнём с синологических аспектов дискуссии. Вполне понятно, что в вопросах исторической фонетики историки должны следовать за мнением китаистов. Однако, кого именно из них? Востоковедам хорошо известно, что китаисты не только не были, но и сегодня не являются единомышленниками при звуковом определении древних иероглифов. Эта ситуация отличает не только отечественную, но и западную китаистику: «Сами китаисты,— справедливо пишет крупнейший алтаист Г. Дерфер,— совсем не единодушны в вопросе о звуковом содержании знаков этого письма в древности (Г. Серрайс, Г. Халун, Б. Карлгрен толкуют китайское произношение не так, как Э. Пуллиблэнк, и все китаисты расходятся в этом вопросе друг с другом)» [1]. Подчас не сходятся не только фонетические, но и хронологические определения бытования конкретных иероглифов. Так, С. Е. Яхонтов, как мы видели, полагает, что «иероглифы, которыми пишется слово *сяцзясы*, около 600 г. читались как *yat kat sie*», а Э.Г. Пуллиблэнк в

(69/70)

недавней работе пишет еще более определенно: «Трехсложные формы с китайским *-sz* для тюркского конечного *-z* появляются только с конца VIII века и позднее» [2]. С. Е. Яхонтов утверждает, что «иероглифическое написание этнонима, о котором идёт речь, транскрибируется сейчас как *сяцзясы*», а Э. Г. Пуллиблэнк — что «китайские транскрипции танского периода, которые ясно связываются с этим, есть *Xiajiasi...* и *Hegesì*» [3].

Более серьёзные расхождения имеются между мнениями С. Е. Яхонтова и выводами Н. В. Кюнера — единственного крупного современного китаиста, специально занимавшегося в отечественной синологии источниками по истории Южной Сибири. «Наименование хягасы,— писал Н. В. Кюнер,— по-видимому, не является транскрипцией имени кыргыз, для которого имеются более ранние транскрипции — гйегу, гйегунь, гяньгунь» [4]. Подобный вывод сделан исследователем и в отношении источников более позднего времени: «Хакасы и кэргизы в монгольскую эпоху XIII в. могли означать различные группы (части) одного и того же народа» [5].

С.Е. Яхонтов всюду обходит вниманием труды Н.В. Кюнера. Между тем более строгий учёт историографии обсуждаемой проблемы не только способствовал бы выявлению объективной картины формирования отрицаемых С. Е. Яхонтовым научных взглядов, но и, несомненно, уберёг бы исследователя от ошибочных и, конечно же, небезобидных высказываний о неточном цитировании источников Л. Р. Кызласовым. При учёте слов Н. В. Кюнера, относящихся к приводимому Л. Р. Кызласовым месту хроник: «Иакинф всюду употребляет в переводе это имя хягас, тогда как в китайском тексте значится государство Гян-Гунь (Цзяньгунь) и люди Гяньгунь (Цзяньгунь)» [6], становится ясно, что при анализе источника историком была учтена поправка, внесённая почтенным китаистом.

Вряд ли случайно, что мнение Н. В. Кюнера по обсуждаемому вопросу нашло последователей в среде китаистов уже после публикации фонетических построений С. Е. Яхонтова [7]. Для понимания этого, быть может, действительно, достаточно обратиться к словарю — основополагающему труду Б. Калгрена, лежащему в основе историко-фонетических поисков современных синологов. Согласно ему, трёхсложную запись древнего имени следует реконструировать как *ya-ka-si* / *ya-ka-zi*, даже в современном кантонском диалекте, сохранившем наиболее архаичные особенности звучания, иероглифы, составляющие слово *сыцзясы*, произносятся как *ha-ka-si* (tsi) [8].

Историку, прежде чем отдать предпочтение одной из фонетических концепций, следует соотнести их положения с другими материалами. «Старая» школа транскрибирования верно передавала звучание ряда древних слов, записанных китайцами из языка хакасов. В передачах Н. Я. Бичурина, Н. В. Кюнера и других исследователей вполне узнаваемы древнетюркские слова *сол* — левый (в китайском — *со*), *аи* — месяц (*аи*), *мүс* — лёд (*меу-сзе*), *ком* — шаман (*гань*), название реки Енисея — *Кем* (*Гянь*) и т. д. С. Е. Яхонтов не говорит о том, как следует озвучить передающие эти слова иероглифы в соответствии с избранной им методикой. Однако в соответствии с ней он предложил ревизию титула государя, читавшегося предшественниками как *ажо* / *ажэ*, реконструируя его как *ǰǰag* или *ǰǰag* (*ǰǰäl*) и отождествляя с древнетюркским титулом *ǰnal* [9]. Эти построения оказались ошибочными. Китаисту осталось неизвестным, что слово *ажо* сохранилось в Южной Сибири до позднего средневековья и зафиксировано русскими источниками. Оно к тому же не тюркского, а самодийского происхождения и восходит к значению «отец» (*аџе*). Этот случай явно показывает, что транскрипции, предлагаемые «старой» школой, позволяют правильно узнавать заимствованные китайскими хрониками тюркские и самодийские слова, а метод С. Е. Яхонтова искажает их облик, в результате приходя в противоречие с историческими данными. Термин *ǰnal* / *ǰnäl* и сам по себе никогда не мог быть титулом верховного правителя. Недоучёт реалий сибирского прошлого имеется и в статье Э. Пуллиблэнка. Основываясь на заведомой тюркоязычности народа, он соотносит слово *jiasha* — железо с древнетюркским *qas̄* — драгоценный камень,

(70/71)

отказываясь от правильного сопоставления его предшественниками с *qasa*, по-самодийски означающим «железо» [10].

Таким образом, очевидно, что метод фонетической реконструкции, предложенный С. Е. Яхонтовым, не единственный и не безупречный. Историку, стоящему перед выбором между двумя основными историко-фонетическими концепциями в синологии, вполне естественно предпочесть ту, при которой все заимствованные китайскими источниками слова южносибирского населения находят в равной степени убедительные соответствия. Нет оснований и вырывать из этого ряда слово *хакас* / *хакас*, как его передавали Н. Я. Бичурин, Н. В. Кюнер и иные исследователи.

Следующее положение С.Е. Яхонтова, расходящееся с моей точкой зрения («Ни в одном источнике, китайском или ином, названия *цзянькунь*, *цзегу*, *сяцзясы* не противопоставляются; напротив, обычно подчёркивается их однозначность»), полностью принадлежит к области исторических исследований. И первое, что не согласуется с утверждением С. Е. Яхонтова, это общеизвестное терминологическое противостояние ханских и танских хроник. В последних появились новые транскрипции. Эта замена имени народа явилась загадкой не только для современных исследователей [11], но и для самих танских хронистов. В «Тан хуйяо» была предпринята попытка отыскать объяснение. Одна из предложенных там версий исходит из возможной неточности в передаче произношения чужеземцев, другая возводит новую форму имени к прозвищу, данному народу уйгурами. «Я не знаю, что правильно», — завершает древний автор. Ныне для нас особенно важно, что ханские хроники приводят лишь варианты записи этнонима *кыргыз* (*гяньгунь*, *цзянькунь*, *гэгунь* и т.п.), а танские кроме этого слова (*цзяньгунь*) вводят до того неведомое слово *хакас* (*хягясы*, *сяцзясы* и т.п.). В этом и состоит противоречие источников, еще в VIII-IX вв. породившее до сих пор продолжающуюся дискуссию. Моя точка зрения не отличается ни от взгляда автора «Таншу хэчао», писавшего, что «северные варвары в своём языке... сделали хакас», ни от позиции создателя «Тан хуйяо», утверждавшего, «что они сами имеют это название». Возник же этноним *хакас* — вновь следим за китайскими первоисточниками («Синь Таншу» и «Таншу хэчао») — после смешения кыргызов с динлинами [12].

Сложность исторической ситуации и состоит в том, что древние кыргызы и хакасы действительно являлись частями одного и того же народа. Между тем отсутствие полной тождественности исторических данных, относящихся к тем и другим, улавливается лишь при

скрупулёзном отношении к китайским или иным первоисточникам и комплексном подходе к выявлению древней истории [13].

Перейдём к тюркологическому аспекту дискуссии. Реконструкция древнего этнонима в форме *хакас* / *хагас* / *хахас* есть результат влияния зафиксировавших его китайских транскрипций и позднего его производного — *хаас*. Хотя в рунических надписях отсутствие начального *х* можно объяснить особенностями графики, не приходится настаивать на том, что начальный согласный был спирантом, он мог быть и *к* (Н. Ц. Мункуев предполагал исходное *гакас*, что тоже возможно, **ср. *кахас* — подразделение у башкир**). Однако следует помнить, что в тюркской речи уже в эпоху средневековья, как и ныне, начальный *х* довольно часто встречался в заимствованных словах [14]. Именно к последней лексической группе принадлежит самодийский по происхождению этноним *хакас*, Интервокальный согласный, о чем я писал, действительно, скорее мог быть звуком *ʃ*. Слово *хааш* [15], при учёте общетюркских тенденций развития согласных, выглядит более архаично, чем слово *хаас*. Следует, однако, помнить, что вплоть до утверждения хакасского литературного языка эти формы сосуществовали. Так, перебой согласных *ш* / *с* фиксируют словари XVIII в. [16] К еще более ранней эпохе его можно отнести на основании облика этнонимов *хаасут* / *хаазут*, приобретших показатель множественного числа монгольских языков *-ут*, т.е. сформировавшихся в период монгольского владычества в Южной Сибири (XIII-XVII вв.) [17]. Косвенные данные былого сосуществования форм *хаас* и *хааш*.

(71/72)

предоставляет производное от них наименование хаоса — результат слоговой метатезы [18], для которого в XVIII в. известен и **вариант *кашха*** [19]. Форма *хасха* (в транскрипции Е. И. Кычанова *Хэ сыхэ*, в реконструкции В. Н. Казина *Хас-ха*) отмечается уже под 1293 г. в «Юань ши».

Слово *хаас*, как и его нестяжённая форма *хакас*, имеет самодийское происхождение, ибо только в этих языках находит свою этимологию. Приходится учитывать не только собственно тюркские историко-фонетические явления, но и особенности восприятия иноязычной лексики. Можно проследить, что заимствованные двухсложные слова с конечным *ш/ч* не сохраняют этот звук в среде, где уже имеется конечное *с* как рефлекс древнетюркского *ш*. Там же, где речь сохранила в этой позиции *ш*, наблюдается переход конечного *с* в *ш*. Например, русское *калач* (хлеб) приобрело в сагайском диалекте и в литературном хакасском языке облик *халас*, а при переходе из сагайского в шорский диалект было превращено в *халеш* [20], т. е. конечное *с* было заменено *ш*. Это явление позволяет полагать, что самодийское по происхождению слово *кас* / *хаса* — человек, мужчина, как и самодийский этноним *хакас*, могли при проникновении в различную тюркоязычную среду Южной Сибири изначально приобрести два варианта, отличающиеся качеством конечного согласного. У нас нет данных для датировки процесса перехода древнетюркского конечного *ш* в *с*. В рунической письменности для передачи этих согласных применялись одни и те же буквы.

Имя *кыргыз* (кыркыз) 14 раз упоминается в памятниках орхонской письменности (КТб, 4, 14, 20, 35, 36; Тон 20, 27, 28, 29; Мог 26, 27; МЧ 22, 23) [21]. Эти тексты не противоречат тому, что кыргызы не были большим народом, а лишь являлись правящим родом Древнехакасского государства. Перевод слова *будун* / *будун* как «народ» не способствует пониманию всех деталей в содержании текстов, не раскрывает сложной истории самого этого слова. Первоначально обозначая полноправных рядовых членов общества — «мужчин» (ср. *беги* и *будун*), слово *будун* / *будун* в дальнейшем обозначало и «войско» (ср. о походе: «тюркский будун утомил ноги» — Мог 30), и «подданных» («мой собственный будун», «моим рабским будуном» — МЧ 33; «чёрный / простой будун»), и — лишь с учетом семантики вышеназванных слов — «народ», точнее, «население» (державы, страны, владения). *Кыргыз будун* — это население кыргызского каганата, кыргызские подданные (ср. о кыргызском правителе Барс-беге: *Будуны кўң кул болты* — «Его будун стал рабынями и рабами» — КТб 20), т.е. кыргызское владение, страна. В этом смысле употреблено слово будун и в перечне посольств (КТб 4). Не о «народе кыргыз», а о кыргызском войске, армии кыргызского кагана идет речь в текстах КТб 35 и Мог 27: *Кырыз будуныг уда басдым* — «Поразил кыргызский будун, когда они спали». Весьма

показателен и единственный случай употребления этнонима *кыргыз* в енисейском руническом тексте. Вопреки словам С. Е. Яхонтова, контекст Суджинской надписи прямо свидетельствует против того, что «подданные... „государства Хакас” в письменных текстах называли себя кыргызами». Руны гласят: «Ујгур јірінтә Јаглакар канта кäl (тiм) (?) кыргыз оғлы мән...» («В уйгурской земле, у яглакарского хана... я — сын кыргыз...»). Автор эпитафии явно подчёркивает, что умерший не уступает по знатности династийному роду уйгуров — *Яглакар*, ибо принадлежит к аристократическому роду *кыргыз*.

С.Г. Кляшторный и В.Я. Бутанаев предлагают мне обсудить этноним *татар* и слово *хоорай*. К сожалению, материалы о появлении владения «Дадань» в 1399 г. пока не опубликованы и нет возможности для их анализа. Однако ясно, что за 40 лет его существования (до 1439 г.) этноним *татар* не мог стать и не стал самоназванием многочисленного и этнически пестрого населения *Дадань* (кыргызов, ойратов, монголов) [22]. Не случайно, достигнув Енисея, русские сообщают о «Киргизской землице» и мелких местных этнонимах, среди которых нет *татар*. Это имя принесено и распространено по Сибири самими русскими и закреплено там административно. Поэтому слово *татар* / *тадар* встречается как самоназвание не только хакасов, но и всего тюркоязычного населения Южной

(72/73)

и Западной Сибири. Этноним стал известен русским в эпоху Золотой Орды и, закрепившись за тюркоязычным населением Поволжья, был затем, по принципу языкового сходства населения, распространён при движении на Восток (и Юг — см. официальные названия тюрков Северного Кавказа и Закавказья; затем был перенесён в языкознание, именовавшее все тюркские языки татарскими). Весьма показательно, что произошедший таким образом перенос имени одного народа на другие при отсутствии должного исторического подхода ныне приводит к неясностям, ошибкам и сложностям, вполне подобным тем, которые я указывал для этнонима *кыргыз*. Так, среди казанских татар встречается мнение о том, что сибирские татары — лишь ответвление их народа (с чем автохтоны Сибири согласиться не могут); другая часть поволжских татар, воспринимая этноним как результат монгольского нашествия, высказывается за полный отказ от него, предлагая именоваться *булгарами*. Аналогичная ситуация и с этнонимом *тюрк*. Такое самоназвание (*türk*) порождает у современных турок, в том числе и у учёных-тюркологов, представление об их этническом тождестве с древним народом, создавшим Тюркские каганаты, и со всеми другими тюрками — носителями тюркских языков (ср. термин недавней тюркологии: турецкие языки). Для различения исторических и языковых данных европейское востоковедение ввело и пользуется понятиями «оттоманские / османские тюрки / турки», хотя народа с таким самоназванием никогда не было [23]. (ср. ситуацию с появлением выражения «енисейские кыргызы»).

Пожалуй, наиболее чётко принцип историзма в понимании меняющегося содержания того или иного этнонима выражен в § 10 и 11 упомянутой работы Г. Дерфера, различавшего семь состояний имён: однозначные этнонимы; «этнические» наименования государств; «странствующие»; собирательные; переносные; чужие и случайно совпадающие названия. Полностью присоединяюсь и к общему выводу этого большого учёного: «Мы, современные европейцы, в общем привыкли к устоявшимся понятиям и к однозначным этнонимам (например, итальянец, грек, швед)... и мы слишком склонны к тому, чтобы во всех обстоятельствах оперировать только ими. Однако в древних (и не только восточных) источниках мы очень часто сталкиваемся с явлениями, которые отражены в менее устойчивых категориях» [24]. Именно таковы имена *кыргыз*, *татар* и *тюрк*.

Перейдём к слову *хоорай* / *хорай*. Такого этнонима в Южной Сибири не было. Его не знают ни фольклор, ни письменные источники. В языке хакасского фольклора слово *хоорай* означает всю совокупность людей (в зависимости от контекста это может быть и всё человечество, и люди, собравшиеся в одном месте) (Ж.В.: виж бълг. *хора* – однозначно по значению). Сравним два отрывка сказания: *ікі харындас Аи Мічікен Күн Мічік: .. Аргалыг сынга сыгып // Тилекейін тизе көрче // Толахайын өтіре көрче* «(Витязь) На горный хребет поднявшись, // Небесную Вселенную насквозь

видит, // Весь Земной круг насквозь видит»; а также ... *Тилекейін тизе көрчө // Толай хораш [25] өтіре көрчө* — «Вселенную насквозь видит, // Всю массу (живущих на земле) людей насквозь видит» [26]. Другой пример — описание конца свадебного пира: *Тостагызы тоозылча // Толай хорай тарасча // Хазандагызы хахталча // Халых чоны тарача* — «То, что было на берёсте, кончается [27] // Вся масса людей расходится // То, что было в котлах, кончается // Людская масса расходится». Стилистический принцип смыслового параллелизма, столь характерный для хакасского фольклора, позволяет, как видим, правильно понять содержание слова *хоорай*. Примеры, в которых В.Я. Бутанаев видит употребление этнонима, должны истолковываться и переводиться иначе, а именно: *Хоос полган малдың ээзі, хоорай полган чурттын ээзі* означает: «Хозяин многочисленного скота, хозяин многолюдного края»; *Хоорай чуртаан чир аймагында хомзынмин чуртаан чон чогул* переводится: «Где бы ни жил род человеческий — нет людей, живущих без печали»; *Хыргыстын тогыс мун толы хоорай чоны* — «Вся девяти тысячная масса кыргызского народа»; *Тогыс харындас хыргыстан тогыс мун толы хоорай чон оскен* — «Вся девяти тысячная масса народа произошла (бу кв, выросла) от

(73/74)

деяти братьев кыргызов»; *Тогыс пулуң толы хоорайда ноо-ниме полбан* — «В девятиугольном мире людей чего только не бывает» [28].

Гипотеза В.Я. Бутанаева, очевидно, возникла, когда внимание исследователя привлекла фраза: «Вся масса девяти тысячного кыргызского народа» [29]. По упомянутой в этой дискуссии ассоциации с отрывком из «Юань ши» слове *хоорай* было воспринято им как этноним. (Однако в источнике идёт речь о создании девяти тысячных административных единиц, управляемых тысячниками, а не девяти тысяч дворов, что признано и Е. И. Кычановым [30].) Между тем употреблённое в фразе число «девять» скорее следует увязывать, как и в других фольклорных произведениях, с известной цифровой сакральной символикой (ср. и «девять братьев-кыргызов»). Тогда не возникает необходимости («из-за созвучия») возводить словосочетание *тогыс пулуң* (девятиугольный) к *тогыс муң* (девяти тысячный) [31] — достаточно будет сравнить его с известными образами «9-угольный юрты» или «9-гранного железного столба» и т.п., являющимися фольклорными моделями мира [32].

Позднее В. Я. Бутанаеву стало известно истинное значение слова *хоорай* [33], только что показанное мною. Что же помешало ему привести в соответствие с истиной свои первоначальные ошибочные толкования и переводы? [34].

Этому помешало произведенное В. Я. Бутанаевым отождествление слова *хоорай* с топонимом Хонгорой, известным по трём русским источникам XVIII в. Основой послужили два обстоятельства: восприятие *хоорай* в качестве стяжённой формы слова *Хонгорой* (*Хонгорай*) и мнение о том, что топоним обозначал территорию всей Хакасско-Минусинской котловины. Оба положения ошибочны. Во-первых, мне неясно, действительно ли в слове *хоорай* есть долгий гласный звук, ибо в фольклорных записях лингвистов Н.Ф. Катанова и О.В. Субраковой это слово отмечено как *хорай*. Во-вторых, казалось бы, благополучная для тюркских языков фонетическая ситуация с выпадением интервокального *ң / нг* (*Хонгорай* — *Хоорай*) совершенно не подходит к данному случаю. Источники фиксируют форму *Хонгорой* (не *Хонгорай* — после *р* звук *о*, а не *а*), т.е. при стяжении получится *хоорой* (не *хоорай*). Кроме того, если речь идёт, как здесь, об основе слова (а не об изменении звуков под воздействием аффиксов), то появление стяжённой формы есть замена в живой речи слова со старым нестяжённым произношением на новое, другого фонетического облика. То есть бытование одной формы отрицает существование другой. По данным же В. Я. Бутанаева, обе формы бытуют одновременно (впрочем, это не мешает ему употреблять «позднюю» форму *хоорай* в отношении к XIV-XVI вв.). Но тогда выходит, что это два разных слова. Они и принадлежат даже к двум различным языкам. Топоним связан с кето- и самоедоязычным населением. Данные Ф.И. Страленберга (*Honkoroi*) и П. Чихаева (*хонруи, хонру*), вероятно, связаны со словом *Хонгорой*, но тувинское *хоорай* по отношению к Присаянью (отмеченное Е. К. Яковлевым) восходит к русскому слову «город» [35], как тогда просто именовали единственный в тех краях город — Минусинск.

Письменные источники — русские переводы с маньчжурского языка — ясно указывают, что Хонгорой было названием только того урочища на правом берегу Енисея, где был сооружён в 1707 г. Абаканский острог («на урочищах Хонгороя русские люди поставили город», «высмотря на урочищах Хонгороя», «о деревянном русском одном городе, что построен на месте, которое близко Хонгороя расстоянием на одно только кормище (станцию) езды», «о построенном на Хонгора называемом месте... русском городе»). В эту местность, входившую в состав кыргызского Тубинского княжества, прикочёвывали жители предгорий и хребтов Восточного Саяна — кыргызы, тофалары, моторы («оное Хонгорой место состоит во владении нашего бейлы... на нём кочуют и имеют промыслы наши есашные киргизы и урянхайцы», «тою де землю Хонгороя... киргизы, уранханы, моторы, они кочевали», «и тот Хонгороя... его киргис, уранхай, моторы, их кочевия», «моторы... с лишком 30 человек, на Хонгороя кочуют», «ваши русские гуна Басдак с товарищи на Хонгороя жителей из мотор, ясак берут и город строит», «Россия

(74/75)

ни к собранию... с гонгорских модор ... есака, ни к строению в тамошних местах своих городов права не имеет») [36]. По мнению Ф. И. Страленберга, в земле *Хонкорой*, которую он посетил, побывав в 1722 г. в Абаканском остроге, обитали самоедоязычные моторы (*Modur*). Возможно, топоним Хонгорой связан с названиями кетоязычных коттов и самоедоязычных койбалов (*konrojcien*), отмеченными Г.Ф. Миллером и Ю.В. Клапротом [37]. Как бы то ни было, ясно, что слово *Хонгорой* не обозначает всей Хакасско-Минусинской котловины, не имеет отношения к её тюркоязычному населению и не связано с хакасским словом *хоорай*.

Таким образом, утверждения В.Я. Бутанаева о том, что слово *хоорай* имело значение этнонима, способны лишь ввести в заблуждение (как это уже произошло с С.Г. Кляшторным). Особенно огорчительно, что распространению этого заблуждения может способствовать книга В.Я. Бутанаева, изданная Институтом этнологии и антропологии АН СССР в III выпуске «Материалов к серии „Народы Советского Союза”» [38].

Надеюсь, что состоявшаяся дискуссия убедительно показала, что сложнейшая проблема изменчивого исторического содержания этнонимов не может быть решена на материалах какой-либо одной науки — языкознания, филологии или истории, а требует тщательного анализа всей совокупности имеющихся данных. Основу подобного осмысления может создать лишь исторический подход к явлениям.

Примечания

[1] Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. V. XVII. №1. Wiesbaden, 1973. S. 6. Ср.: Дерфер Г. О. языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. I. М., 1986. С. 76.

[2] Pulleyblank E.G. The Name of the Kirghiz // Central Asiatic Journal. 1990. V. 34. №1-2. P. 98.

[3] Ibidem.

[4] Кюннер Н.В. Китайские историки-летописцы о хакасах // Зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. 3. Абакан, 1954. С. 120, 121.

[5] Кюннер Н.В. Восточные урянхайцы по китайским источникам // Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ. Вып. 6. Кызыл, 1958. С. 203.

[6] Кюннер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII-VIII вв. н. э. // Зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. 2. Абакан, 1951. С. 10.

[7] Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // Сов. этнография (далее — СЭ). 1970. №2. Ср. названные мною труды Н.Ц. Мункуева и В.М. Моржанова.

[8] Karlgren B. Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese, P., 1923. P. 69, 124, 241, 242. №136, 346, 807-811.

[9] Яхонтов С.Е. Указ. раб. С. 119, 120.

[10] Pulleyblank E.G. Op. cit. P. 105.

[11] Ibid. P. 103: «Хотя отождествление с Jiegu / Jiankun более ранних времён не было исследовано, несомненно, имеется некоторое смущающее обстоятельство в отношении этой замены». Ср. мнение Н.В. Кюнера.

[12] Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 350, 351; Кюнер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов). С. 4, 14.; его же. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 281, 282.

[13] См. специальные работы Л.Р. Кызласова: Кызласов Л.Р. К вопросу об этногенезе хакасов // Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. VII. Абакан, 1959; его же. Взаимоотношение терминов хакас и кыргыз в письменных источниках VI-XII веков // Народы Азии и Африки. 1968. №4; его же. Ещё раз о терминах «хакас» и «кыргыз» // СЭ. 1971. №4; его же. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 15-22, 29-32, 35-46, 52-68.

[14] Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. С. 98.

[15] Утверждению В.Я. Буганаева об этнониме *хааш* как о позднем лексическом заимствовании от русских, якобы исказивших таким образом слово *хасха*, противоречат приводимые им далее данные об ареале имени *хааш*.

[16] Боргояков М.И. Источники и история хакасского языка. Абакан, 1981. С. 83.

[17] Ср. подобную историко-фонетическую ситуацию: наличие формы *канкас* с конечным *с* в «Сокровенном сказании» (1240 г.), сопоставляемой С.Е. Яхонтовым с реконструируемой им формой *канаш* с конечным *ш*.
(75/76)

[18] Боргояков М.И. О некоторых терминах, связанных с историей хакасов // Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. VII. Абакан, 1959. С. 137; Кызласов Л.Р. Этнонимы хаас и хасха в хакасском // Сов. тюркология. 1990. №5.

[19] Боргояков М.И. Словарные материалы по хакасским диалектам XVIII в. // Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973. С. 120.

[20] Межекова Н.Н. Шорский диалект // Там же. С. 51.

[21] В данном случае мы применяем следующие сокращённые обозначения памятников: КТб — Кюль-Тегина, большая надпись; Мог — Бильге-Кагана (Могиляна), Тон — Тоньюкука, МЧ — Моюн-Чура (цифра обозначает строку).

[22] Бейшеналиев Т.О. Киргизы и Джунгарское ханство (XVII-XVIII вв.): Автореф, дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 9.

[23] Благова Г.Ф. О русском наименовании тюрков и тюркских языков. Композиты и становление тюркской этнолингвистической терминологии в русском языке // Сов. тюркология. 1973. №4.

[24] Дерфер Г. О языке гуннов. С. 78-82.

[25] *Хоршин* — стяжённая форма от *хорай*, возникшая при прибавлении падежного аффикса *-ин*.

[26] Благодарю О.В. Субракову за консультацию и предоставление записи сказания, сделанной ею в 1963 г. в бассейне р. Тёи от Тепчика Боргоякова 1890 г. рождения.

[27] Берёста выполняла роль скатерти; хахталча — букв. «вытряхивается».

[28] Разбираемые примеры исчерпывают фольклорные материалы, приводимые В.Я. Бутанаевым для подтверждения этнического содержания слова *хоорай*. Два последних выражения, приведенные мною для полноты картины, извлечены из его работ.

[29] Бутанаев В.Я. Об этногенетических связях хакасов с енисейскими кыргызами. По материалам хакасского исторического фольклора // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 151.

[30] Кызласов Л.Р. О численности древних хакасов в IX-XI и в XIII веках // Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. XII. Абакан. 1966. С. 152, 153. Прим. 5; его же. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 165, 203.

[31] Бутанаев В.Я. К исторической этнонимике хакасов. Термин «Хоорай» // Проблемы археологии и этнографии. Вып. III. Историческая этнография. Л., 1985. С. 26; его же. Этническая история хакасов XVII-XIX вв. // Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. III. Хакасы. М., 1990. С. 18.

[32] Алыптыг нымахтар. Абакан, 1951. С. 136, 221; Хара Хусхун. Абакан, 1974. С. 12.

[33] Бутанаев В.Я. К исторической этнонимике хакасов. С. 27, 28. Верный перевод фольклорного определения нечистой силы, имеющегося в статье (*толы хоорай сырайлыз*) будет не с «хоорайским», а с «на всех людей похожим (антропоморфным) лицом».

[34] Даже текст одной и той же загадки о кукушке (*Алгайахча көгістіг, ал хоорай үнниг*) трактуется исследователем то вполне верно: «Величиной с котелок, но голос слышен всему миру» (Бутанаев В.Я. К исторической этнонимике хакасов. С. 28), то ошибочно: «Величиной с котелок, но голос на весь Хоорай» (Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов XVII-XIX вв. С. 17).

[35] Тувинско-русский словарь / Под ред. Тенишева Э. Р. М., 1968. С. 483.

[36] Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. I. М., 1978. С. 105, 106, 129, 432.

[37] Вернер Г.К. Коттский язык. Ростов-н/Д, 1990. С. 321, 323.

[38] Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов XVII-XIX вв.

Вопрос о самоназвании хакасов

В.Я. Бутанаев

// Этнографическое обозрение. 1992. №2. С. 63-69.

Преемственная связь современного коренного населения Минусинской котловины с енисейскими кыргызами и хакасами китайских летописей впервые была научно обоснована известным историком Н.Н. Козьминым в книге «Хакасы»,

которая в основном была написана перед первой мировой войной [1]. В политический оборот данный термин ввёл его ученик, первый хакасский этнограф С. Д. Мойнагашев, который в 1917-1918 гг. провел несколько национальных съездов, где утвердил решение об образовании союза инородцев Минусинского и Ачинского уездов под названием «Хакас» [2]. В данной ситуации местная интеллигенция обратилась к тем далёким временам, когда, согласно китайским летописям, в долине Среднего Енисея существовало государство *Хягас* [3]. Для политического возрождения угнетённого народа необходимо было вернуть славное имя предков, даже несмотря на его китайскую форму. В 1939 г. чулымские тюрки, исходя из того, что они до 1835 г. частично входили в состав Кызыльской степной думы, приняли для себя также официальное название *хакас* [4].

Однако до сих пор учёные, поднимая жаркие споры вокруг термина «хакас», почему-то не обращали внимания на отношение самого народа к своему этнониму. А это довольно существенный вопрос. Дело в том, что современные хакасы в разговорном языке в качестве своего самоназвания применяют термин *тадар* [5]. Поэтому утверждать, что коренные жители Хакасской ССР в повседневном быту используют для своего обозначения этноним *хакас*, может только человек, не знающий хакасского языка. За 70 лет Советской власти «возвращённый этноним» не стал самоназванием народа, несмотря на переписи, давление паспортного режима, влияние литературного языка и т.д. Только русскоязычная часть населения Хакасии приняла его для обозначения аборигенов края. Сами же они в общении между собой его не употребляют. Люди старшего поколения не могут даже произнести чужеродное слово как следует, ибо оно не соответствует фонетическому строю языка [6]. Эти данные, к сожалению, противоречат важным и показательным фактам в концепции И.Л. Кызласова.

С другой стороны, самоназвание *тадар* по всем показателям явно недавнего происхождения. Оно действительно является отголоском царской административной системы, когда хакасы и другие тюркские народы в России назывались татарами [7]. Помимо хакасов этноним *тадар* бытует среди тюркоязычных соседей — шорцев, телеутов и северных алтайцев (тубаларов, челканцев, кумандинцев).

Большинство советских учёных, учитывая исторические источники, а также фонетические закономерности китайского языка, придерживаются мнения, что в летописях династии Тан формой *хягасы* передавали звучание этнонима *кыргыз* [8]. Мы разделяем такую точку зрения, тем более, что она подкрепляется и местными материалами. При этом мы опираемся также на хакасский исторический фольклор, отмечая, что в степях Среднего Енисея в древние времена обитали *кыргызы* (*хыргыс*). Они создали в долинах Абакана и Июсов ирригационные сооружения (*хыргыс аргылары*), оставили памятники чёрной металлургии (*хыргыс узанзан чирлер*) и т.д. До сих пор хакасы называют средневековые погребения *хыргыс сёёткер!* — кыргызские могилы [9]. В зонах контактного соприкосновения соседних племён с кыргызами возникло соответствующее название *хыргыс*, т.е. кыргызский. Вдоль таежной периферии Хакасско-Минусинскую котловину окаймляют речки, именуемые *хыргыс чул* — кыргызский ручей (в русском произношении: *киргизка*, *киргизюль*, *киргисуль*, *курбусуль* и *курбусюл*). По указанным топонимам можно приблизительно очертить былые границы Кыргызского государства [10]. Данные хакасского языка, фольклора и топонимики свидетельствуют об аутентичности этнонима *кыргыз* в степях Среднего Енисея и об отсутствии в этих неофициальных источниках не только термина *хакас*, но даже *тадар*. По всем показателям слово *кыргыз* употребляется не только в политическом, но и в этническом значении.

Проблема взаимосвязей современного населения Саяно-Алтая с жителями Тянь-Шаня уже более 200 лет привлекает внимание исследователей. В последнее время историки склонны считать, что в этногенезе киргизов приняли участие как племена, переселившиеся из Южной Сибири и Центральной Азии, так и автохтонное население. Этнографические материалы, введенные в научный оборот

советскими исследователями, достаточно аргументированно подкрепляют давно высказанное мнение выдающегося тюрколога В.В. Радлова об общих исторических корнях хакасов и киргизов. Кроме того, наличие в родоплеменной структуре общих этнонимов (*чилдег, пуга, хыргыз* и т. д.) указывает на этногенетические связи двух народов [11].

В качестве самого важного аргумента в концепции И.Л. Кызласова выступает имя *хаас* из местной этнонимии. Согласно трактовке учёного, оно якобы является современной производной формой от исторически реального в домонгольскую эпоху этнонима *хакас*. Насколько серьёзно это утверждение? Одна из групп хакасов — качинцы действительно называют себя *хаас* или *хааш*. По данным письменных источников, до начала XVIII в. носители этого имени обитали на северной периферии долины Среднего Енисея в районе Красноярска, где до сих пор протекает р. Кача [12]. Поэтому связывать этноним *хааш* (*хаас*) с жителями Минусинской котловины можно только после 1720-1740 гг., когда основная масса населения этой группы передвинулась вверх по Юсам и Енисею [13]. Кроме того, как отметил И.Л. Кызласов, появление большинства названий хакасских племенных групп связано с грубым вмешательством царской административной системы. Согласно свидетельству Г.Ф. Миллера, русское название *качи* или *качинцы* появилось в XVII в. и связано оно с названием самого крупного сеока *хаиха* (*хасха*) [14]. Русская форма *качи* затем была перенята хакасским населением как *хааш* (*хаас*), но уже в значении общего обозначения скотоводов Качинской степной думы. Точно таким же образом по сеоку *хызыл* получили общее название кызыльцы, по сеоку *сагой* — сагайцы, по сеоку *тилтир* — бельтиры и т.д. Хакасия, до присоединения к России состоявшая из четырёх княжеств — Алтысарского, Исарского, Алтырского и Тубинского, в царское время разделялась на переименованные Кызыльскую, Качинскую, Сагайскую и Койбальскую степные думы [15].

Таким образом, этноним *хааш* (*хаас*) в Хакасии довольно позднего происхождения и является искажённой передачей первоначального *хаиха* (*хасха*), который навряд ли может звучать в китайском произношении как *хягас*. Утверждение же Л.Р. Кызласова о возможно происшедшей в древности перестановке слогов в этнониме *хаиха* (*хасха*) на *хааши* (*хахас*), а затем в результате стяжения согласных получения формы *хааш* (*хаас*) [16] не выдерживает строгой критики. Если пойти по такому пути, то можно доказать, что термин *казак* также происходит от слова *хакас*, где произошла перестановка слогов на *ха-сак* и т.д.

Термин *хаиха* (*хасха*) общетюркский и обозначает белый цвет. С древнетюркского времени звучание его осталось без изменения [17]. (Ж.В. сравни с тох. *kas* – бял, светъл !!!)

При сравнительном анализе этнонима *хааш* (*хаас*) выясняется, что так назывались этнические образования оленеводов Восточных Саян: *хааш* — один из основных сеоков тофаларов; *хааш* — тувинское название бурятских сойотов; *хааш* — дархатское обозначение тувинцев-тоджинцев; *хара хааш* — тувинское именование тофаларов; *хара хаас* — хакасское название тофаларов (карагасы) и т.д. Наряду с формой *хааш* среди их родовых подразделений встречается название *хаасут* [18]. По всей видимости, термин *хааш* (*хаас*) восходит к самодийскому *кас* — мужчина [19]. Выяснение истинного ареала этого этнонима подтверждает правоту многих учёных, полагающих, что он связан с самодийцами, не имеющими этногенетических связей ни с тюркоязычными качинцами, ни с территорией Хакасии. И. Л. Кызласов, говоря о первоначальной самодийской сущности слова *кас* в разноязычном и разноликом обществе Древнехакасского государства, противоречит себе, полагая, «что со временем этот изначально политический термин стал этнонимом и обозначал тюркоязычное население». Л. Р. Кызласов заявляет более категорично: «С глубокой древности мы всегда были тюркоязычными» [20]. Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что этноним *хакас* не мог существовать среди коренных жителей степей Минусинской котловины. Его просто не было.

Кыргызское государство пало в XIII в. под ударами монгольских полчищ. Однако в эпоху позднего средневековья население долины Среднего Енисея под эгидой кыргызов, частично сохранившихся после монгольских погромов, образовало этносоциальное объединение *Хонгор* или *Хонгорай* [21]. В хакасском языке в результате процесса стяжения гласных это слово стало звучать как *Хоорай*. Оно широко употреблялось в героическом эпосе, исторических преданиях, песнях и других жанрах фольклора. Например: *Хоос полган малдын ээз!, хоорай полган чуртын ээз!* — «Хозяин многочисленного скота, глава хоорайской страны»; *Хоорай чуртаан чир аймагында хомзынмин чуртаан чон чогул* — «В краю, где живет хоорайский народ, нет людей, которые жили бы без печали» и т.д. [22].

Роль кыргызской элитарной группы в Хоорае (Хонгорае) была настолько велика, что даже русские служилые люди в XVII в. указанное этносоциальное образование называли *Кыргызской землёй*. Согласно историческим преданиям, хоорайский (хонгорский) народ происходил от кыргызов. В речи сказителей употребляется устойчивое определение: *Хыргыстың тогыс муң толы Хоорай чоны* — «Кыргызский девятитысячный союз Хоорай» [23]. Данные исторического фольклора можно соотнести с указанием летописи Юань-ши: «С приходом к власти династии Юань этот народ (цилицисы) разделили и создали девять тысяч дворов» [24]. Сопоставляя указанные факты, мы констатируем: во-первых, население Хакасии в XIII в. составляло тумен, который мог выставить 9 тыс. воинов; во-вторых, формирование этносоциального объединения Хоорай началось ещё при монгольской административной системе. Количественные определения характерны для названий многих тюрко-монгольских племён: *токуз огуз* — девять огузов, *токуз татар* — девять татар, *ү курыкан* — три курыкана, *дэrbэн ойрат* — четыре ойрата и т.д. Имя последних, по мнению учёных, связано с реальным делением ойратов со времён Чингис-хана на четыре тумена [25].

Этноним *хонгорай* > *хоорай*, вероятно, возник на местной почве, ибо ещё в X в. письменные источники отмечали название народа *кури (хори)* «также из хырхызов». Рядом с их местом обитания находился город Кемиджет, где была ставка кыргызского кагана [26].

В основе многих тюрко-монгольских этнонимов прослеживается корень *хор (кор)*. Например: *хор* — тибетское название тюрков Средней Азии; *хор* — подразделение народа юйгу; *хоро* — обозначение предков якутов; *хори* — подразделение бурятов, уйгур, курыкан, башкорт, болгар, хонгор и т.д. [27]. По всей видимости, и этноним *хонгорай* также восходит к этой основе. До сих пор в современных алтайском, тувинском, хакасском и киргизском языках есть слово *хор (кор)*, обозначающее народные массы [28]. В таком случае указанные этнонимы имеют тюркскую этимологию. К подобному заключению пришел лингвист Б. И. Татаринцев, который в своем исследовании отмечает, что термин *хонгорай* «восходит к достаточно древнему тюркскому слову» [29]. Но даже если и допустить, что этноним монгольского происхождения (а в составе хакасов имеются и ойратские элементы), то и в таком случае он имеет полное право на существование, ничуть не меньшее, чем самодийское *кос*.

Бывшее название *хонгорай* > *хоорай* не должно было пройти незамеченным среди исследователей прошлых времён. Действительно, в первой половине XIX в. известный лингвист — А. Кастрен сообщал, что именем *Хонгорай* обозначаются «вообще все татары (т.е. хакасы.— В.Б.), платящие подать в Красноярск» [30]. В 1854 г. в «Статистическом обозрении Сибири» отмечалось реальное существование этого этнонима для обозначения хакасов [31].

Во время путешествия П. Чихачёва по Туве тувинцам слово «хакас» было совсем неизвестно. Они чётко знали, что, перебравшись через Саяны и продвигаясь на север, попадешь в страну под названием *Хонру* (т.е. Хонгорай) [32]. Во второй половине XIX в. тувинцы для обозначения Минусинского округа применяли это слово уже в стяжённой форме — «Хоорай» [33]. Все великие шаманы являлись хоорайцами по происхождению.

Телеуты и южные алтайцы называли благодатные степи Минусинской котловины *Конграй* или *Конгырай-Сагай*. Конграй почитался у них как прародина теленгитов и место происхождения алтайских музыкальных инструментов [34].

В XVIII в. кетоязычные котты именовали койбалов *конграйчиен* [35]. А самодийское племя камасинцев для них применяло стяжённую форму *хоорой* [36]. Таким образом, неофициальные разноязычные источники свидетельствуют о бывшем этнониме *хонгорай* > *хоорай*, употреблявшемся для обозначения жителей Хакасии, но ни словом не обмолвились об имени *хакас*.

Название *Хонгорай* применялось и в русском дипломатическом языке. Когда в 1707 г. был построен Абаканский острог, то в письменных документах отмечалось: «На урочищах Хонгороя русские люди поставили город». «И тот Хонгороя ...киргис, уранхай, моторы их кочевия» [37]. На карте Сибири XVIII в., составленной Ф.И. Страленбергом, долина р. Абакан и горный хребет Западных Саян обозначены как территория *Nonkoroï* [38].

Этносоциальное образование Хоорай (Хонгорай) имело самостоятельное политическое устройство, которое позволяет определить его как государственное с неразвитыми формами общественных институтов [39]. После присоединения Хакасии к России по Кяхтинскому миру 1727 г. название «Хонгорай» исчезает с политической арены Южной Сибири и Центральной Азии. В результате этнополитических процессов термин *тадар* (т.е. татарин) в начале XIX в. вытеснил предшествовавшее историческое имя, которое ушло в область преданий. Возможно, этноним *хоорай* (*хонгорай*) перестал соответствовать общему содержанию формирующейся общности. Однако факт преемственности енисейских кыргызов и хоорайцев (хонгорцев), с одной стороны, и хоорайского (хонгорского) народа с хакасами, с другой стороны, не вызывает сомнений. К середине XIX в., согласно свидетельству письменных источников, хакасские группы (качинцы, кызыльцы, сагайцы и Койбалы) представляли собой единое образование с общими чертами быта, общеразговорным языком, одинаковой культурой и самоназванием *тадар*. Процесс формирования хакасского этноса растянулся во времени и объединяет несколько последовательно сменяющихся этапов, различных по своей продолжительности. Первоначальный, или кыргызский, этап связан с периодом существования Кыргызского государства (VI-XIII вв.). Енисейские кыргызы, относящиеся к одному из древних культурных народов Центральной Азии, стали предками не только хакасов, но и Тянь-Шаньских кыргызов и частично рассеялись среди многих скотоводческих народов Саяно-Алтая. Хоорайский этап охватывает время сложения и развития этносоциального объединения Хонгорай > Хоорай (XIV-XVIII вв.), ставшего основой хакасского этноса. Российский этап начался после присоединения хакасов к России и характеризуется завершением основных процессов их консолидации (XVIII-XIX вв.). Современный этап относится к советскому периоду развития и дальнейшей консолидации их под официальным именем хакас в пределах уезда, округа, автономной области и, наконец, в Хакасской ССР. На наш взгляд, концепция Л. Р. Кызласова и И. Л. Кызласова о местных истоках китайской формы *хягас* не состоятельна. В научной литературе она не принята [40]. Кроме того, надо учесть, что искусственное слово *хакас* до сих пор не прижилось в языке бывших хоорайцев (хонгорцев) и его, вероятно, может постигнуть участь неудачного эксперимента с этнонимом *ойрот* у алтайцев. Хакасский этнос, окончательно сложившийся после присоединения к России, не соответствует хакасам китайских летописей, т.е. кыргызам периода Кыргызского государства. Действительно, народ связан своими корнями с кыргызами, но этническая основа зародилась в эпоху позднего средневековья и имеет конкретное название *хоорай* (*хонгорай*). Уже сделаны первые шаги в деле восстановления исторической справедливости. В связи с образованием республики решением ассоциации хакасского народа «Тун» 3 августа 1991 г. был проведён всеобщий праздник под названием «Ада-Хоорай», посвященный Дню восстановления государственности и памяти предков (начиная с мифического Хоорай-хана), погибших за свободу Хакасии.

- [1] Казьмин Н.Н. Хакасы. Иркутск. 1925.
- [2] Гос. архив Хакасской ССР (далее — ГАХССР). Ф. 204. Д. 1. Л. 72, 84.
- [3] Казьмин Н.Н. Указ. раб. С. VI.
- [4] Архив ЗАГС Тегульдетского райисполкома Томской области.
- [5] Сухотин А.М. К проблеме национально-лингвистического районирования в Южной Сибири. // Культура и письменность Востока. Кн. 7-8. М., 1931. С. 95; Боргояков М.И. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981. С. 25.
- [6] Грамматика хакасского языка. М., 1975. С. 33.
- [7] Пейзын Г. Минусинский округ Енисейской губернии в сельскохозяйственном отношении. // Зап.-Сибирское отд. Императорского русского географического о-ва. СПб., 1858. Кн. 5. С. 121.
- [8] Яхонтов С.Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз». // Сов. этнография (далее — СЭ). 1970. №2. С. 116; Савинов Д.Г. Пароды Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984; Худяков Ю.С. Киргизы на Енисее. Новосибирск, 1986; Караев О.В. К вопросу о терминах «киргиз» и «хакас». // Народы Азии и Африки. 1970. №4. С. 255-259 и др.
- [9] Бутанаев В.Я. Об этногенетических связях хакасов с енисейскими киргизами (по материалам хакасского исторического фольклора). // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1979. С. 149.
- [10] Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов XVII-XIX вв. // Материалы к серии «Народы Советского Союза». Вып. 3. Хакасы. М., 1990. С. 15.
- [11] Радлов В.В. Предисловие. // «Манас» — героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968. С. 18; Бутанаев В.Я., Молдобаев И.Б. Киргизско-хакасские этнокультурные связи. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 24.
- [12] Потопов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957. С. 84.
- [13] Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов XVII-XIX вв. С. 43.
- [14] Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 49.
- [15] Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов XVII-XIX вв. С. 19-20, 54.
- [16] Кызласов Л.Р. Взаимоотношение терминов «хакас» и «киргиз» в письменных источниках VI-XII веков. // Уч. зап. Хакасского НИИЯЛИ. Вып. 13. Абакан, 1969. С. 12-13; его же. Как нам себя называть? // Сов. Хакасия. 1991. 6 августа.
- [17] Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 363; Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 431.
- [18] Санжиев Г.Д. Дархаты. Л., 1930. С. 16; Рукописный фонд ТувНИИЯЛИ. №46. Л. 17; Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов XVII-XIX вв. С. 55.
- [19] Вайнштейн С.И. Очерк этногенеза тувинцев. // Уч. зап. ТувНИИЯЛИ. Вып. 5. Кызыл, 1957. С. 198.
- [20] Кызласов Л.Р. Как нам себя называть?

- [21] Бутанаев В.Я. Об этническом имени хакасов в эпоху позднего средневековья. // Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 134-138; его же. К исторической этнонимике хакасов (термин «хоорай»). // Историческая этнография. Вып. 3. Л., 1985. С. 25-28.
- [22] ГАХССР. Ф. 588. Д. 115. Л. 118; Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. №662. Л. 1.
- [23] Чир!м тамырлары. Абакан, 1982.
- [24] Кычанов Е.И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке. // Изв. АН КиргССР. Т. 5. Вып. 1. Фрунзе, 1963. С. 59.
- [25] Лашук Л.П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов. // СЭ. 1968. №1. С. 102.
- [26] Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 41.
- [27] Юсифов Ю.Б. К этногенезу азербайджанцев. // Фольклор, литература и история Востока. Ташкент, 1984. С. 336; Рерих Ю.П. По тропам Срединной Азии. Хабаровск, 1982. С. 207; Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурятов. Улан-Удэ, 1962. С. 121, 125; Тенишев Э.Р. Этнический и родоплеменной состав народности юйгу. // СЭ. 1962. №1. С. 64.
- [28] Бутанаев В.Я., Молдобаев И.Б. Указ. раб. С. 23; Тувинско-русский словарь. М., 1968. С. 483.
- [29] Татаринцев Б.И. Об одном предполагаемом русском заимствовании в лексике тувинского языка. // Русский язык в Туве. Кызыл, 1985. С. 157.
- [30] Путешествия Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири. // Магазин земледения и путешествий. Т. VI. Вып. 2. М., 1860. С. 427.
- [31] Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб., 1854. С. 35.
- [32] Чихачёв П. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974. С. 210.
- [33] Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900. С. 19, 117.
- [34] Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883. С. 10, 72; Ямаева Е.Е. Мифы алтайцев. // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 177.
- [35] Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям. // Уч. зап. Томск, пед. ин-та. 1961. Т. 19. Вып. 2. С. 158.
- [36] Центральный гос. архив древних актов. Ф. 199. Д. 529. Ч. 2. С. 278.
- [37] Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 1. М., 1978. С. 106.
- [38] Svenska Sällskapet för Anropologi och geografi geografiska sektionens tidskrift. 1879. №26. В. 1. Philipp Johann von Strahlenberg och hans karta ofver asien. Techning af august strindberg.
- [39] Бутанаев В.Я. Этническая история хакасов в XVII-XIX вв. С. 30.
- [40] Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971. С. 99-103; Худяков Ю.С. Указ. раб., и др.

